

Дарья Донцова

Магия госпожи метелицы

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Магия госпожи Метелицы

«ЭКСМО»

2015

Донцова Д. А.

Магия госпожи Метелицы / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2015 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Я, Виола Тараканова, тружусь в школе и терпеливо сею разумное, доброе, вечное, вот только всходов пока не дождалась... Спрашиваете, как меня сюда занесло? Очень просто – постарался влюбленный в меня Иван Зарецкий, новый владелец издательства, где печатаются мои книги. На самом деле я – участница телепрограммы, в которой звезды устраиваются на работу в непафосное место и пытаются избежать разоблачения. Меня занесло в храм образования, и я – основной претендент на победу! Вот только реалити-шоу неожиданно приняло криминальный оборот – убили директрису, а следом за ней библиотекаршу. Зарецкий мигом смекнул, как воспользоваться этим печальным обстоятельством, и уговорил телена начальство усложнить мою задачу: я должна раскрыть это преступление! Но он, похоже, переоценил мои силы, ведь вести расследование в женском коллективе все равно что прыгнуть в корзинку со змеями!

© Донцова Д. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарья Донцова

Магия госпожи Метелицы

Донцова, Дарья Аркадьевна. Магия госпожи Метелицы: роман / Дарья Донцова. – Москва: Эксмо, 2015. – 320 с. – (Иронический детектив).

ISBN 978-5-699-77529-3

© Донцова Д.А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

«У женщин есть день рождения, но года рождения нет».

Я оторвалась от планшета и посмотрела на мальчика, сидящего за столом у окна.

– Что ты сказал, Эдик?

Ребенок подпер кулаком подбородок.

– Я прочитал в инете: «Сегодня певица Раиса Бастрыкина отмечает юбилей, тридцатилетнюю годовщину своего появления на свет. Когда Раиса сорок пять лет назад впервые вышла на сцену, она и предположить не могла...» Я удивился, получается, тетка начала петь задолго до того, как родилась, решил, что в статье ошибка, полез в Википедию, а там прочел: «Раиса Бастрыкина родилась двадцатого декабря, с юных лет пела в ресторане...» Почему они год не указывают? Когда в поисковике рылся, я на уроке сидел, спросил у Нины Максимовны, а она отмахнулась: «Обозов, тебе нужно думать об отметках, а не о глупостях! У актрис и певцов года рождения нет. Но тебя это интересоваться не должно. Лучше скажи, когда доклад про семейную жизнь хомяков сдашь?»

Я постаралась сохранить серьезный вид. Семейная жизнь хомяков! Нина Максимовна Федотова, учительница биологии, на редкость стыдлива. Когда ей приходится объяснять детям раздел «Размножение», она нервничает, краснеет, потеет и называет процесс спаривания «семейной жизнью». Если урок проходит в младших классах и речь идет о белках, зайцах и прочих представителях фауны, Федотова еще как-то сохраняет лицо, но рассказать выпускникам про половую жизнь человека Нина Максимовна не способна. Она стоит перед большим плакатом и еле слышно лепечет:

– Ребята! Сегодня вы узнаете о том, откуда берутся дети. Но поскольку вы все бегло читаете, то вот брошюра, изучите ее самостоятельно и законспектируйте. Дома напишете доклад по этой теме, сдадите мне и получите заслуженные пятерки.

Думаете, ученики перешептываются и хихикают? Вовсе нет, Нину Максимовну дети любят, она добрая, не вредная, всегда готова прийти на помощь. Федотову легко разжалобить, нужно лишь заплакать на ее глазах, тогда она сразу начнет утешать ученика, угощать его на редкость противными самодельными конфетами из сухофруктов с какао и приговаривать:

– Ну, ну, успокойся. Почему ты рыдаешь? В четверти выходит тройка? Дружочек, сейчас исправим отметку, напиши-ка мне докладик на любую тему вот из этого списка, и я выставлю тебе твердую четверку.

– И почему у них года рождения нет? – продолжал недоумевать третьеклассник Обозов.

– Эдик, чем ты занимаешься? – спросила я.

– Сто раз пишу слово «нашёл», как вы велели, Виола Лебединовна, – заныл мальчик, – надоело.

– Зато ты хорошо усвоишь, что у этого глагола после буквы «ш» пишется «ё», а не «о», – не сдалась я. – Вот у меня перед глазами твоё сочинение, здесь повсюду «нашОл».

– Вот же тупость! – воскликнул Эдик. – Ведь когда говоришь, там «ё» нет. Скоро пятый урок начнется! Шестой у нас англиш, я должен к нему подготовиться.

– Эдик, быстро сделай задание – и свободен. Не задерживай сам себя, – посоветовала я. – Кстати, пятого урока у вас нет. Вместо него окно.

– Русский мне вообще не нужен будет никогда! – в сердцах воскликнул Эдик. – Мне без разницы, «ё» или «о» надо писать.

– Ты живешь в России, – сказала я, – и обязан хорошо знать родной язык.

– Скоро мы с папой отсюда далеко-далеко уедем! – сообщил Эдик. – Вот глупость ручкой писать! На компьютере удобнее.

– Если ты с родителями отправишься за границу, там придется заниматься английским! – заметила я. – И вдруг все ноутбуки в мире сломаются, а ты не знаешь, как писать от руки?

– В той стране по-английски не болтают, – продолжал глупый спор Обозов, – там говорят... не знаю, на каком... папа еще не объяснил, куда мы подадимся. Это секрет от всех.

Я заметила телефон, который лежал перед пареньком на парте.

– Эдик! Ты забыл, что на уроки нельзя приносить мобильные, айпады и другие гаджеты?

– Но вы меня дополнительно оставили, – возразил ученик. – Это не считается уроком!

– Ты же знаешь, что гаджеты прячут перед началом учебного дня, – сказала я, – не надо нарушать правила.

– Ну зачем я тут сижу? – надулся Эдик.

– Лучший способ запомнить трудное слово, это написать его сто раз, – менторски заявила я.

– Ну, Виола Лебединовна, – застонал грамотей, – отпустите.

– Отложи телефон, не ройся в Интернете, перестань болтать, быстро выполни упражнение – и ты свободен, – не сдалась я. – Мне тоже хочется пойти попить чаю.

Наверное, следовало в очередной раз напомнить Эдику, что мое отчество «Лениндовна», но какой от этого толк? В колледже даже некоторые учителя не могут запомнить имени нового педагога по русскому языку и литературе. Как я, писательница Виола Тараканова, оказалась в роли учительницы? В эту авантюру меня втянул Иван Николаевич Зарецкий, новый владелец издательства «Элефант», выпускающего книги Арины Виоловой. Если кто не знает, это мой псевдоним. Зарецкий богатый и невероятно активный человек, он мой страстный фанат, кроме того, я нравлюсь издателю как женщина. Нет, нет, нас не связывают близкие отношения, Зарецкий несколько раз предлагал мне стать его женой, но слышал от меня в ответ:

– Иван Николаевич, я считаю вас прекрасным отзывчивым человеком. Давайте останемся друзьями.

Было бы логично закончить эту фразу словами: «Думаю, мне лучше перейти в другое издательство». Но я не могу этого сказать. Почему? Купив «Элефант», Зарецкий получил оптом и всех писателей, которые подписали договоры с Гариком, прежним его владельцем. А я, неразумная, как бабочка, в свое время подмахнула, не глядя, контракт, по которому обязывалась приносить рукописи только в «Элефант» в течение десяти лет.

Отказавшись в первый раз стать госпожой Зарецкой, я испугалась. А ну как обиженный владелец издательства решит отомстить и перестанет выпускать мои книги? Что мне тогда делать? Но Иван Николаевич оказался интеллигентным человеком, он сделал вид, будто и не было разговора о моем замужестве. Более того, Зарецкий собрался превратить меня в самого популярного автора России и взялся за дело со всем присущим ему пылом. Он начал широко-масштабное продвижение моих детективов, и я распрощалась с тихой размеренной жизнью. Мне начали звонить журналисты всех мастей, посыпались предложения выступать в телепрограммах. Я тратила много времени, объясняя редакторам, почему не хочу участвовать в ток-шоу, посвященном спасению популяции сороконожек, живущих в навозных кучах пингвинов ЮАР, и по какой причине отказалась от приглашения в радиопрограмму, где будут обсуждать, имеет ли право певица Иванова спать с мужем балерины Петровой. Я честно говорила:

– Извините, ни с поп-исполнительницей, ни с танцовщицей я не знакома, а сороконожек боюсь до беспамятства, если они вымрут, я от горя рыдать не стану.

Но редакторы не отставали, я нервничала, не сдала вовремя рукопись, и в конце концов Зарецкий сказал:

– Виола, дорогая, вам нужен пресс-секретарь, он будет отказывать малозначимым СМИ, договариваться с нужными людьми. Не царское это дело самой общаться с журналистами и редакторами телепрограмм. Не волнуйтесь, я подыщу подходящего человека, а пока его нет, сам временно буду исполнять обязанности вашего помощника.

– Огромное спасибо, – обрадовалась я.

И что получилось? Иван Николаевич не сумел найти грамотного специалиста, которому мог с легким сердцем меня доверить. Он стал сам заниматься моим расписанием, сделался моей чрезвычайно заботливой нянюшкой, администратором, решающим, на какие съемки мне можно ехать, будильником, никогда не забывающим вовремя разбудить ленивую писательницу, стилистом, подсказывающим, что лучше надеть на то или иное мероприятие, психологом, ежедневно восклицающим: «Виола, дорогая, вы гениальны», – диетологом, следящим за моим питанием...

Сегодняшнее утро началось со звонка Зарецкого.

– Дорогая, – заботливо произнес он, – на улице сильно похолодало, не надевайте коротенькую курточку, лучше накиньте новую шубку и непременно угги.

– А... – начала я.

Но Зарецкий не дал мне высказаться.

– Виола, милая, не спорьте. Знаю, вы не любите сапожки из овчины, но они идеальны для московского декабря.

Иван Николаевич на секунду умолк, и мне удалось вставить слово:

– Непременно надену австралийские валенки, а вот шуба останется в шкафу.

– Чем она вам не нравится? – изумился издатель. – Натуральный мех, сшита на заказ. Знаю вашу щепетильность в отношении дорогих подарков, но манто не мой презент! Это честно заработанная вами награда за победу в соревновании.

Я промолчала. Одно время Зарецкий пытался украсить меня кольцами, ожерельями, приобрел мне агрессивный внедорожник, но я всегда вежливо отказывалась от подарков, и в конце концов Иван Николаевич понял: максимум, что я приму из его рук, это коробку конфет и букет, ну ладно, еще могу взять плюшевого зайчика. Поэтому роскошную шубу издатель всучить мне не пытался, он схитрил. В сентябре на международной книжной ярмарке издательство «Элефант» объявило конкурс «Кумир». Всем посетителям предлагалось написать на бумажке имя своего любимого автора и бросить ее в здоровенный пластиковый ящик. В последний день конкурса урну вскрыли, там оказалась тьма листков с моим именем. Скажу честно, было очень приятно получить диплом победительницы, к которому прилагалась шикарная шуба. Правда, я не ношу мех, но не отказываться же от приза? Вот только радость длилась недолго. На следующий день я приехала в издательство и увидела, как Анастасия, секретарь Зарецкого, запихивает в мешок гору бумажек.

– Чем ты занимаешься? – спросила я.

– Ох уж эти девчонки из пиар-отдела, – сердито ответила Настя, – зачем-то приволокли сюда листки, которые народ для голосования использовал, теперь надо их выбросить и...

Договорить она не успела, прозвенел звонок, и помощница, забыв обо всем, помчалась в кабинет начальника. Я решила помочь Анастасии, начала укладывать цидульки в пластиковый мешок и увидела: подавляющее большинство бюллетеней заполнено одним хорошо знакомым мне почерком. Победа Арины Виоловой была подстроена Иваном. Я обомлела, потом чуть не заплакала, ну и дура я, на самом деле поверила, что стала любимицей читателей. В расстроенных чувствах я уехала домой, и лишь тогда мне в голову пришла мысль: а почему шуба, приготовленная для победителя конкурса, оказалась женской? Среди писателей много мужчин. И по какой причине она идеально мне подошла? Прекрасно знаю дам, которые пишут книги для «Элефанта», я среди них самая миниатюрная.

– Так чем плохо манто? – повторил свой вопрос Зарецкий.

– Оно замечательное, – покривила я душой. – Но может ли его себе позволить скромная учительница? Чтобы не проиграть в шоу, мне лучше надеть пуховик.

Вы опять ничего не понимаете? О каком шоу я веду речь?

Глава 2

Некоторое время назад телеканал «Семейный TV» предложил мне поучаствовать в развлекательной программе «Чужой среди своих». Суть проекта проста. Несколько знаменитостей переодеваются и под видом обычных людей устраиваются на работу в непафосное место. Они должны слиться с общей массой, чтобы коллеги не узнали в них звезд. А вот эти самые коллеги должны вычислить засланного казачка. Программа «Чужой среди своих» рассчитана на девяносто дней. Та звезда, которая окажется неразоблаченной, победит. Сотрудники, вычислившие знаменитость, приглашаются в эфир и рассказывают, как они поняли, что в их офисе работает певец, писатель или артист.

Мне эта идея показалась донельзя глупой, но Иван Николаевич воодушевился.

– Виола, дорогая, вот увидите, программа окажется на вершине рейтинга, вы одержите победу, станете мегапопулярной.

Я принялась отказываться от участия в шоу.

– Не люблю соревнований, всегда оказываюсь на последнем месте.

Зарецкий был настойчив и в конце концов победил.

В конце ноября шесть участников шоу собрались в телестудии. На мой взгляд, назвать их звездами было никак нельзя. Певица Кикки, актер Никита, тележурналист Светлана, спортсмен Роман, диджей Олег и я. Своих соперников я никогда ранее не видела, а они ничего не слышали обо мне. Нас выстроили перед черной урной, и ведущий Федор предложил нам по очереди вытаскивать из нее бумажки, на которых указаны наши новые профессии.

– Там много чего лежит, – ухмылялся Федор, – я умру со смеху, если Кикки вытащит жребий «слесарь» или «водитель «КамАЗа».

Вот тут я испугалась, но отступать уже было поздно. Диджей должен был стать дворником, певица – поваром, актер – продавцом обуви, девушка из телевизора – горничной в дешевом отеле, гимнаст – диспетчером на автобазе, а я – учительницей русского языка и литературы. В первый момент я обрадовалась, но потом поняла, что меня разоблачат в один момент. Я не помню никаких грамматических правил, не умею общаться с детьми и даже не представляю, что читают современные школьники.

Но первой через день после старта проекта из него вылетела певица. Кикки совсем не умела готовить и сразу насторожила шеф-повара, который в студии рассказал дивную историю:

– Сначала я велел новой помощнице проверить готовность картошки, она спросила: «А как это сделать?»

Зрители и ведущий расхохотались, а шеф продолжил:

– Я решил, что она прикалывается, прикидывается дурой, сказал: «Потычь в клубни вилок». Спустя полчаса спросил: «Яйца для салата готовы? Вкрутую сварила?» А новенькая взяла вилку, постучала ею по скорлупе и ответила: «Нет, еще твердые, не прокалываются». Вот тут до меня доперло: идиотка-то из шоу.

Тележурналистка продержалась неделю, на восьмой день она треснула подносом по голове постояльца отеля, который, получив вместо заказанного в номер кофе минералку без газа, велел ей исправить ошибку. Гимнаст и диджей тоже выбыли из игры. Основными претендентами на победу стали артист Никита и я. Меня почему-то до сих пор не вычислили, хотя педагог из меня, как из мартышки балерина. И разумное, доброе, вечное я сею под своим настоящим именем. Любой человек, вбивший в поисковик «Виола Ленинидовна Тараканова», мигом увидит, что я автор детективных романов Арина Виолова. У меня не самая благозвучная фамилия, не очень распространенное имя, а уж об отчестве я вообще промолчу. Но никто из сотрудников школы пока ничего не заподозрил. Я попала в частную гимназию, где педагогам

велено не травмировать ребят строгими требованиями, не нагружать их, не нервировать, не поощрять дух соревнования.

– Давайте сохраним детям детство, – постоянно повторяет директриса, она же владелица заведения, Полина Владимировна Хатунова, – у нас упор на здоровый образ жизни, на духовное развитие.

Ученики тут воспитанные, ни одного хама-грубияна мне не попалось, все вежливо здороваются, на уроках сидят тихо. Если ребятам делается скучно, они просто засыпают. Школьное расписание не перегружено, занятия пять раз в неделю, и даже у выпускников больше шести уроков в день не бывает. После окончания учебного процесса многие плавают в бассейне, занимаются йогой, ушу, айкидо, есть и традиционные кружки: вязание, кулинария, шитье мягких игрушек, работает самодеятельный театр. Школьная столовая намного лучше той, что в издательстве «Элефант», еда очень вкусная, разнообразная и полезная. Шоколадных батончиков, чипсов, энергетических напитков, конфет-жвачек вы в буфете не найдете. Но я бы в такое заведение своего ребенка не отдала. Почему?

Уж не знаю, чем руководствовалась Полина Владимировна, формируя коллектив, но, похоже, фундаментальные знания предмета и владение навыками детской педагогики не являются сильными сторонами местных преподавателей. Хатунова подобрала тетюшек, похожих на добрых нянечек. Не так давно, проходя мимо открытой двери кабинета математики, я услышала голос завуча Карелии Алексеевны Линьковой:

– Катюшенька, не плачь, золотце.

– Да-а-а, – всхлипнула девочка, – у меня по контрольной два-а-а!

– Заинька, не расстраивайся, – принялась утешать ее Карелия, – двоечка поставлена карандашом. Смотри, опля! Ее уже нет. Клеточка в журнале чистая. Садись, кисонька, за парту, вот тебе задание, решай спокойно, если не получится, я помогу. Мы с тобой живенько исправим плохую отметку.

Катя перестала рыдать, девочка была очень довольна, но получила ли она знания? Хотя большинство выпускников школы поступает в коммерческие вузы, а там, похоже, профессура исповедует те же правила, что и Хатунова, не желая травмировать психику студентов, ставит им незаслуженные «хорошо» и «отлично». Стоит ли удивляться, что у нас теперь встречаются врачи, не способные отличить глаз от ноги, психологи, никогда не читавшие Фрейда, Юнга, Адлера, журналисты, произносящие: «Наш гость приехал с Воронежу». Прекрасно, когда ученику в школе комфортно, но гимназия или вуз не СПА-центр, а место, где следует усердно учиться, а не расслабляться.

– Виола Лебединовна, – заныл Эдуард, – у меня уже рука отсохла!

– Сколько раз ты написал глагол? – спросила я.

– Семь! – ответил грамотей. – Осталось девяносто три.

– Ладно, – сжалась я, – еще тринадцать, и можешь быть свободен.

– Ура!!! – завопил Обозов.

Дверь кабинета открылась, появилась Нина Максимовна.

– Простите, Виола Лабиринтовна, что помешала, выйдите на минуточку.

Я молча выполнила ее просьбу, Федотова схватила меня за руку.

– Никак не могу Полину Владимировну разбудить. Может, у вас получится?

– Директор спит в своем кабинете? – удивилась я. – Подождите секундочку.

Я приоткрыла дверь в класс и сказала Эдику:

– Отойду ненадолго, если выполнишь задание, а я не вернусь, можешь взять на моем столе свой дневник и уйти.

– Иес! – заликовал Обозов. – Супер! Спасибо, Виола Лебединовна.

Федотова схватила меня за руку и потащила по коридору.

– Вы не похожи на сплетницу, поэтому доверю вам тайну. Вчера Полина ходила к косметологу, колола средство от морщин. Только никому не говорите об этом. Сегодня она мне сказала: «Что-то с самого утра глаза открыть не могу, обычно легко пробуждаюсь, а сейчас веки слипаются». Я ей посоветовала зеленого чая выпить, в нем содержится больше кофеина, чем в арабике. Лена, секретарь Хатуновой, гриппом заболела, утром позвонила, сказала, что температура высокая. Поэтому Полина сама шкаф в приемной открыла, хотела чашку взять, а там! Бардак! Ложки рассыпаны, набора чашек нет, остались одна кружка, разрисованная собачками, пара тарелок, чайник для заварки, все разномастное, заварник в цветах, печенье раскрошено... Я увидела, какое лицо у директрисы стало, и предложила: «Полина Владимировна, давайте я живенько порядок наведу и вам сенчу заварю». А она схватила телефон и Елене позвонила!

Нина Максимовна закатила глаза.

– Не один год знаю Хатунову, она очень сдержанный человек, голос крайне редко повышает, а тут прямо заорала: «Где наши чашки?» И видно, случайно на громкую связь трубку включила, поэтому я ответ девицы услышала: «Ой, ой, Полина Владимировна, мне очень плохо еще вчера стало, знобило сильно, руки тряслись. Понесла посудку мыть вечером, уронила поднос! Извините, простите! У вас в шкафчике кружечка есть хорошенькая, с собачками-кошечками, пользуйтесь ею. Я скоро поправлюсь и за свой счет сервис в школу куплю. Только не сердитесь, не виновата я, от гриппа слабость у меня возникла!» «Ты уволена!» – объявила Полина. Я прямо ахнула! Ну и ну! Хотя это правильно. Давно лентяйку пора вон гнать. Я предложила Хатуновой: «Посидите, заварю вам чаек». А она: «Это не ваша работа, сама чайник поставлю. Надеюсь, после пары чашек зеленого чая в себя приду, успокоюсь, и голова болеть перестанет».

Федотова толкнула дверь, мы миновали приемную и очутились в просторном кабинете, где в центре стоял огромный старинный письменный стол. На столешнице, смахивающей на взлетную полосу, справа высились стопки книг, рядом стояло фото покойных родителей Хатуновой, лежали какие-то бумаги и зеркала. Слева я увидела чашку с изображением котят и щенят, в ней на самом дне осталась жидкость бледно-зеленого цвета, тут же громоздился пухлый заварочный чайник, разрисованный розами, рядом находилась открытая коробочка пастилы с несколькими пустыми ячейками. Белые крошки на тарелке с цветочным орнаментом говорили о том, что Хатунова лакомилась пастилой. Я перевела взгляд на владелицу гимназии, которая сидела в монументальном кожаном кресле с высокой спинкой. Полина Владимировна невысока ростом, весит она чуть больше пуделя, но всегда ходит с идеально прямой спиной, на каблуках, поэтому не кажется крошечной. Сейчас же она съежилась, голова свесилась на грудь.

– Уж я трясла ее, трясла, – запричитала Федотова, – а Полина никак не очнется.

Я наклонилась над директрисой и поняла: она не дышит. В первую секунду я хотела отпрыгнуть в сторону и закричать: «Помогите!» – но живо взяла себя в руки.

– Может, ей водичкой в лицо брызнуть? – суежилась Нина.

– Не стоит, – пробормотала я, отходя от покойницы.

Взгляд упал на часы, сейчас идет четвертый урок, педагоги в классах, ученики под их присмотром, никто по коридорам не бежит.

– Хорошо, что у вас занятия закончились, – частила Нина, – остальные на уроках, я прямо растерялась: куда бежать? А потом вспомнила, что вы говорили: «Сразу домой не пойду, позанимаюсь с Обозовым». Эдик милый мальчик, но учение ему никак не дается. Вы с ботоксом когда-нибудь дело имели? Не знаете, случайно, инъекция может женщину в глубокий сон погрузить? Хатунова словно в наркозе, а мне надо, чтобы она подписала открыточку для физрука, той пятьдесят исполнилось.

– Нина Максимовна, поздравление может подождать, – пробормотала я, оттесняя Федотову к двери, – я сейчас вызову своего приятеля, он сомнолог.

– Кто? – заморгала училка.

– Специалист по сну, – объяснила я, – он Полиной Владимировной займется.

– Оооо! А мне консультацию даст? – обрадовалась Федотова. – Правда, с деньгами у меня не густо, ипотеку выплачиваю и еще...

Я вытолкнула болтуню в приемную и спросила:

– Можете принести воды?

– Конечно, – засуетилась Нина, – из-под крана или из кулера?

– Из крана, – уточнила я, быстро сообразив, что до туалета Федотовой за одну минуту не пробежать.

– Лечу! – заявила Нина Максимовна.

Не успела дверь за ней захлопнуться, как я схватила со стола зеркало, поднесла его к носу Полины и потом, выйдя в приемную, набрала номер Зарецкого.

– Умерла? – вскрикнул Иван Николаевич. – Виола, вы уверены?

– Она не дышит, пульс на шее не бьется, выглядит мертвой, – объяснила я, – ничего в кабинете я не трогала, Федотову временно уснула. Надо звонить в полицию.

– Нет! – отрезал Зарецкий. – Только не сейчас! Вы еще не знаете, но сегодня актер Никита, работавший в отделе обуви, выбыл из шоу, у него во время новогодних распродаж сдали нервы, начал в покупателей туфли швырять и орать на них. Виола, вам надо выстоять до конца! А полицейские приедут, начнут копать, и вас разоблачат.

Я рассердилась.

– Предлагаете оставить труп Полины в кабинете до тех пор, пока не истечет время, отведенное для дурацкого представления?

– Это не получится, – протянул Зарецкий, – я решу проблему, дайте секундочку. Ну, конечно! Виола, дорогая, вы же знаете моего друга Андрея Платонова?

Знаю ли я Андрюшу? С другом Зарецкого я познакомилась на дне рождения Ивана Николаевича, а потом, когда снимала дачу в Павлинове и попала в неприятную историю, обратилась к нему за помощью. С тех пор у нас сложились дружеские отношения, вчера мы с ним обедали в кафе.

– Сядьте, выдохните, сейчас примчится Андрей, – пообещал издатель и отсоединился.

Не прошло и минуты, как позвонил Платонов:

– Что у тебя?

– Труп, – вздохнула я, – директриса гимназии скончалась.

– Так и знал, что идея участвовать в шоу добром не закончится, – пробурчал Андрей. – Встань у двери и никого не пускай внутрь. Не переживай, я все улажу.

– Кто умер? – взвизгнул за спиной женский голос.

Я обернулась и увидела Нину Максимовну с пластиковым стаканчиком в руках.

– Кто умер? – повторила она, роняя стакан. – Полина?

Мысленно ругая себя за то, что забыла про отправленную в туалет Федотову, и бормоча:

– У Хатуновой, похоже, инфаркт, – я попыталась вытеснить учительницу биологии в коридор.

– Скончалась! – взвизгнула Нина. – Ужас! Горе! Беда!

– Тише, не кричите, – попросила я, вытолкнув ее, наконец, в коридор.

Федотова зарыдала, по ее лицу потекла тушь с ресниц.

– Что случилось? – спросила библиотекарь Вера Борисовна Соева, спускаясь по лестнице.

Я понизила голос до шепота.

– Полина Владимировна умерла в своем кабинете. Наверное, это инфаркт, Нине Максимовне плохо, я отведу ее в учительскую и вернусь. Кабинет Хатуновой открыт, нельзя, чтобы туда случайно заглянул какой-нибудь ученик. Можете посторожить у двери? Я прибегу через минуту, полиция уже едет.

Произнеся эту тираду, я тут же пожалела о сказанном. Сейчас Соева, как и Федотова, зарыдает, ударится в истерику. Вилка, где твоя голова? Вон же на стене кнопка вызова охраны! Нужно было нажать на нее.

– Нет проблем, – неожиданно спокойно ответила Вера и исчезла за дверями приемной.

Я поразилась самообладанию библиотekarши, ткнула в красную кнопку, утащила Федотову в туалет и помогла ей умыться.

Когда мы с учительницей биологии вернулись в коридор, я увидела парня в черной форме, который входил в вестибюль.

– Охрану вызывали? – спросил он.

– Да, да, – закивала я, держа дрожащую Федотову под руку, – идите срочно в кабинет директора, отпустите Веру Борисовну и дождитесь там появления полиции, она уже в пути.

* * *

Когда Андрей появился в приемной, я кинулась к нему со словами:

– Как хорошо, что ты так быстро приехал.

Платонов не успел ничего ответить, из-за его спины показался Иван Николаевич, который мигом спросил:

– Вы на «ты»?

– Не выкать же человеку, с которым вместе работали, – удивился Андрей и повернулся ко мне. – Ты после вчерашнего обеда нормально себя чувствуешь?

– Да, – кивнула я, – но я слопала только овощи на пару, от них беды не будет.

– А у меня жуткая изжога, – пожаловался приятель, – зря кровати заказал.

На лице Зарецкого появилось выражение удивления, но быстро исчезло.

– Виола, дорогая, вам надо отдохнуть, Андрей без вас справится, потом расскажете ему, что видели. Можете уйти, или еще есть уроки?

– Нет, я закончила занятия, но надо зайти в кабинет русского языка, там осталась моя сумка. Заодно проверю, выполнил ли Обозов задание, – ответила я, ощущая, как дрожат ноги.

Со мной так всегда, в трудную минуту я собираюсь, действую разумно, и кое-кто думает, что я малоэмоциональный, даже черствый человек. Не так давно ко мне в квартиру ворвалась соседка по лестничной клетке Оля Терехина. Она рыдала во весь голос, и я с трудом поняла, что ее муж занимался мелким ремонтом и упал со стремянки. Я пошла к Терехиным, увидела, что у ее супруга сломаны обе ноги, вспомнила про пробки, решила, что «Скорая» доберется не меньше, чем через два часа, и начала действовать: нашла крепких парней, которые отнесли несчастного в мою машину, отвезла его в больницу, где работает мой приятель-травматолог, позаботилась об отдельной палате. И все это под аккомпанемент неутрахающих стенаний Ольги:

– Сереженька умирает, как же я одна ипотеку выплачу.

Толку от Терехиной никакого не было, мне приходилось отвлекаться от Сергея, успокаивать ее. В конце концов сосед был прооперирован, уложен в кровать, а я вернулась домой еле живая от усталости. Через два дня, стоя у лифта, я случайно услышала громкий голос Ольги, доносившийся из-за запертой двери ее квартиры.

– Да, Тараканова помогла, думаешь, надо ей конфет купить? Ну ладно, раз ты так считаешь. А вот здесь ошибаешься, она не переживала, не нервничала, просто какой-то робот! Ни разу ни Сергея, ни меня не пожалела, я-то вся извелась от страха за мужа. Виоле же по барабану наши страдания, на удивление равнодушная баба.

В первый момент я испытала желание позвонить к Терехиной и сказать: «Я не автомат. Просто, в отличие от тебя, понимаю, что впасть в истерику, когда кому-то плохо, преступно. В такой момент надо сконцентрироваться, наступить на горло своим эмоциям и думать, как помочь человеку. У меня после того, как вернулась домой, долго тряслись ноги, пришлось

выпить литр чая с вареньем, чтобы успокоиться. Я нервничала не меньше тебя, просто не позволила эмоциям взять верх над разумом». Вот и сейчас, не желая, чтобы в школе началась паника и дети узнали о смерти директрисы, я не вылетела из кабинета Хатуновой с воплем: «Умерла! Помогите». Нет, я позвонила кому надо, а теперь у меня дрожит все тело.

– Я с вами, – быстро произнес Зарецкий.

Когда мы вошли в класс, там было пусто. Я приблизилась к столу и увидела листок бумаги, на котором корявым почерком было нацарапано «нашел, нашел, нашел» и так девятнадцать раз. И тут у Эдика терпение иссякло, и мальчик удра.

– Хорошо хоть столько сделал, – пробормотала я, – может, чуть грамотнее станет.

Иван Николаевич засмеялся.

– Виола, дорогая, обратите внимание на доску. Вам там послание.

Я оторвалась от работы Обозова и прочитала сделанную мелом надпись: «ВЕола ЛИбидинаВна я напЕсал задание про глагол нашёл. Я нашОл на вашем столе свой дневник. Эдик».

– Похоже, грамотею нужно выучить ваше имя, отчество и глагол «написать», – развеселился Иван Николаевич. – Поколение, воспитанное в эпоху сенсорных гаджетов не любит читать, отсюда и проблема. Одевайтесь и едем в «Элефант».

Глава 3

Платонов позвонил часа через три, Зарецкий включил на телефоне громкую связь, и голос полицейского разлетелся по кабинету:

– Точно пока сказать не могу, но похоже на отравление.

– Ядом? – воскликнул Иван Николаевич. – Каким?

– Анализы еще не готовы, – терпеливо объяснил Андрей, – но наш эксперт редко ошибается.

– Значит, план «Б»! – заявил Зарецкий.

– Советую подождать до завтра, после обеда будет ясно, – сказал Андрей.

– Ладно, – с неохотой согласился издатель.

– О чем идет речь? – налетела я на Ивана. – Что вы придумали?

Издатель поднял руку.

– Виола, дорогая, не нападайте. Когда жизнь подбрасывает шанс, не грех им воспользоваться. Пока я ехал в школу, обдумывал ситуацию. Если директриса умерла от инфаркта-инсульта, то никакой активности проявлять не стоит, дело обычное, интереса не вызовет. Но если совершено преступление... Я позвонил на канал, сообщил о неожиданных обстоятельствах, поделился своей идеей, продюсер пришел в восторг!

– Может, и меня посвятите в свои планы? – вкрадчиво спросила я.

– Виолова станет победительницей проекта. После истерики, устроенной Никитой, всем понятно, кто на первом месте. Но вы не только окажетесь на пьедестале почета, вы еще станете сыщиком. Убийство в гимназии! Вот это поворот в шоу!

– С ума сойти, – подпрыгнула я. – Поисками отравителя должна заниматься полиция.

– Совершенно с вами согласен, – не стал спорить Иван Николаевич. – Платонов побежит по одной тропе, вы по другой. На стороне Андрея криминалистическая лаборатория, обученные сотрудники, а у вас лишь ваш мозг, интуиция и доброе сердце.

– Уши, лапы и хвост, – пробормотала я. – Здоровская идея.

– Вам нравится? – спросил Зарецкий.

– Нет, – отрезала я, – совершенно не нравится.

Но Иван Николаевич не захотел слышать мои слова.

– Устроители программы в восторге. Теперь только надо подождать, чтобы экспертиза установила насильственную смерть директрисы, и вперед. Шоу слегка изменит формат. Сначала вы получите приз, а потом, когда зритель расслабится, решит, что все интересное завершилось, его ошарашат сообщением: «Писательница не только обошла всех в конкурсе, она еще раскрыла убийство. Шоу «Чужой среди своих» продолжается, оставайтесь с нами!» И вы, Виола, дорогая, станете главной героиней еще нескольких программ. Рейтинг поперет вверх ракетой!!! Огромная удача!

У меня неожиданно заболела голова. Ничего себе огромная удача – смерть Полины Владимировны. На мой взгляд, в произошедшем нет ни малейшего повода для радости.

– Виола, дорогая, вы побледили, – забеспокоился Иван.

Я попыталась улыбнуться.

– Все в порядке, но в кабинете душно.

Зарецкий встал и приоткрыл окно.

– Виола, дорогая, вы расстроились, когда я сказал про огромную удачу? Извините дурака, я проявил редкостную толстокожесть. С директрисой я знаком не был, ее кончина для меня не трагедия, увидел возможность задержать вас на телевидении и обрадовался. Фу, сам себе противен.

– Иван Николаевич, к вам посетитель, – раздался из селектора голос секретарши.

– А ну иди сюда! – приказал босс.
– Здравсти, Арина, – прочирикала помощница Зарецкого, появляясь в кабинете.
– Привет, Танечка, – улыбнулась я.
– Кто сюда рвется? – недовольно спросил Иван.
– Прозаик Рогов-Ростовский, – отрапортовала Татьяна.
– Их двое? – спросил Иван.
Секретарша хихикнула.
– Нет! Фамилия двойная.
– У нас есть такой автор? – удивился Зарецкий. – Не помню что-то.
– Вы ж не можете всех в голове удержать, и не надо, а то мозг треснет, – вздохнула Таня. – Она представилась, как прозаик, написавший много бестселлеров. Сказала, хочет обсудить очень важный для издательства вопрос.
– Ясно, – поскучнел Иван, – сейчас начнет денег просить. Отфутболь его.
Таня попятилась.
– Не получится, она настырная, хуже мухи. Я не один раз повторила: «Зарецкого нет», – а она: «Ничего, я подожду», – и сидит. Лучше с ней минутку поговорить. Она вас все равно поймает, выйдете из кабинета, а баба тут как тут.
– Татьяна, перестань меня путать, – рассердился шеф. – Кто в приемной?
– Женщина! – отрапортовала секретарь.
– Тогда почему ты сказала: «Прозаик Рогов-Ростовский»? – спросил Зарецкий.
– Тетка – его представитель, – внесла ясность Танюша, – липучка – рубль штучка. Мой вам совет с ней поговорить, в противном случае она у вас под дверью заночует.
Я встала.
– Иван Николаевич, я поеду домой.
Зарецкий хотел что-то сказать, но в этот момент створка приоткрылась, и в кабинет всунулась толстая дама в очках.
– Разрешите? Я прозаик Ногов-Архангельский.
– Прошу вас, – сухо отозвался Иван Николаевич.
Литагент сделала шаг, увидела меня. Прищурилась и воскликнула:
– Арина Виолова?
Я кивнула.
– Рада встрече, – и стала обходить посетительницу, но та, вместо того чтобы посторониться, указала на меня пальцем и тоном самодержца, беседующего с холопом, заявила:
– Виолова! Жди меня в приемной. Освобожусь, и мы побеседуем.
Последние слова прозвучали угрожающе, и Зарецкий, прекрасно понявший это, побагровел.
Мы с Таней вышли в холл.
– Похоже, мадам ку-ку, с приветом, – повертела пальцем у виска секретарша. – Сейчас ей босс коротенько объяснит, как с Виолой Ленинидовой общаться надо. Вот же коза с претензиями!
– Ты вроде назвала ее Рогов-Ростовский, а она Ногов-Архангельский, – улыбнулась я.
– Города перепутала, не Ростов, а Архангельск, – не стала отрицать Таня.
– И рога с ногами тоже перепутала, – захихикала я.
– Да тут с ума сойдешь, – махнула рукой секретарша.
Я поболтала пару минут с Танечкой, вышла из «Элефанта» и позвонила Платонову с вопросом:
– Знаешь, что придумал Зарецкий? Хочет, чтобы я изображала частного детектива.
– Тебе не впервой, – отозвался Андрей, – и ты всегда проделываешь это с большим удовольствием.

– Не имею желания работать Шерлоком Холмсом для телепрограммы, – рассердилась я. – Да, иногда я ввязываюсь в расследование и потом пишу о нем книгу. Но делаю это исключительно по собственному желанию, а не для показа на экране.

– Ты же знаешь Ивана, – попытался остудить меня приятель, – если он чего вбил себе в голову, то умрет, но сделает.

– Зарецкий умный человек, он понимает, что иногда лучше дать задний ход, – заспоорила я. – Не думаю, что ему захочется вступать в конфронтацию с твоим начальством. Сделай одолжение, звякни Ивану и объясни: твое руководство будет недовольно активностью писательницы...

– Не получится, – перебил меня Андрей, – Ваня оказался расторопнее, он уже связался с моим шефом, а тот пришел в экстаз, захлопал крыльями, затряс нимбом: «Отличная идея, надо рассказывать всем, как успешно работает полиция, легко раскрывая сложные преступления. Перед нами свыше поставлена задача создать положительный образ полицейского. Участие в шоу поможет ее выполнить. Пусть писательница ковыряется, как умеет, ничего у нее не выйдет, только насмешит народ, а наши профи окажутся на высоте». Мне придется топтать в студию и вещать о том, как вел расследование. Извини, Вилка, рад бы помочь, да сам в костер угодил. У Вани родилась плохая идея – ты облажаешься, а мне придется прилюдно о твоих ошибках говорить. Наш босс хочет показать, что у него под началом работают асы, а любителям нечего лезть в расследование.

– Иван верит в мой ум, – засмеялась я, – предполагает, что я тебя умою. Кислый вид на финальной программе может быть у тебя. И ты не понял замысел Ивана Николаевича и телевизионщиков, не допер, что они затеяли.

– Сделать тупую программу, – ответил Платонов. – О чем еще тут думать?

– Нет, – усмехнулась я, – продюсеру нужен скандал, он привлекает зрителей. Иван это распрекрасно знает. Основная задача режиссеров шоу поссорить нас с тобой.

– Зачем? – удивился Андрей. – Если в команде разлад, положительного результата не жди.

– А он им и не нужен, – мрачно сказала я. – Зарецкий спит и видит, как мои книги бьют по тиражам Смолякову. Без разницы, смогу я найти преступника или нет, главное, чтобы я подольше оставалась на телеэкране. Писателей сейчас пруд пруди, заходит человек в магазин, у него глаза разбегаются: кого купить? Книги недешевы, жаль выкинуть несколько сотен рублей на некачественное чтиво. Поэтому люди предпочитают авторов, чье имя на слуху. Массовый читатель наивно полагает: если писатель светится на экране, значит, он хорошо пишет, плохого в эфир не позовут. Начнет человек рыться на полках: Иванов, Петров, Сидоров... О! Виолова! Я видел ее в шоу! Возьму детектив Арины, она известный человек. Вот зачем надо подольше мельтешить в телевизоре, чтобы тебя запомнили, выделили из общей массы. Ну а дальше все зависит от тебя, если ты интересно пишешь, тираж пойдет вверх. Если из-под твоего пера выходит тягомотная нудятина, тогда ничего хорошего не получится. Никакая реклама не спасет того, кто не может увлечь читателя. Кстати, зритель больше сочувствует проигравшему, чем победителю, последний часто вызывает зависть. Телевизионному начальству же не нужен успех следователя, как-то сладко получится, мужик быстро раскрыл дело, фу, неинтересно. Вот если он запутается, спасует, тогда можно вволю поглумиться, создать еще пару программ под названием «Неудачник из полиции». Если мы с тобой объединимся в команду, то, вполне вероятно, сумеем вычислить преступника, и скандала не будет. Поэтому сейчас меня и тебя пытаются развести по разные стороны баррикады. Андрюша, нам надо быть хитрее. Давай изобразим, что поругались, терпеть друг друга не можем, а сами будем работать в паре.

– Неплохая идея, – обрадовался Андрей, – мне нужен информатор в школьном коллективе. Работаем сообща. Ты бежишь по следу в гимназии, я копаю в других местах.

– Узнал что-нибудь про Полину Владимировну? – поинтересовалась я. – Кому она могла насолить?

Глава 4

Андрей издал странный звук, потом закашлялся.

– Извини, подавился, – объяснил он. – О Хатуновой я не узнал ничего особенного. По образованию она хирург. Окончила с отличием институт, потом работала в больнице, характеристики безупречные. Полина была у академика нейрохирурга Разгонова в помощниках, сама не оперировала, но ассистировала профессору. В Интернете есть фанатская группа, где благодарные пациенты до сих пор оставляют восхищенные отзывы о Разгонове, называют его чуть ли не Богом. Среди этих хвалебных сообщений немало посвященных Полине: умница, очень внимательна, переживает за больного, быстро ставит его на ноги. После смерти хирурга не один год миновал, а Разгонова до сих пор помнят и чтут его память. Когда академик умер, Полина не захотела работать с другим начальником и вскоре ушла из профессии, одно время она преподавала в мединституте, потом, похоже, ей это надоело. Пару лет Полина Владимировна была домашней хозяйкой, благо ее муж Григорий Пенкин весьма обеспечен. Знаешь, кто он?

– Пенкин? – переспросила я. – Что-то знакомое. Аaaa! Певец! Замечательный у него голос, недавно по радио слышала.

– Нет, – возразил Андрей, – конечно, такой исполнитель есть, но его зовут Сергей. Григорий Пенкин одиозный политик, начинал карьеру в конце восьмидесятых, всплыл на волне перестройки. Едва в России начались перемены, он основал партию под названием «Сила народа», очень хотел попасть во власть, стать влиятельным политиком. Свою карьеру Пенкин строил на ненависти к гомосексуалистам, сделал несколько громких заявлений о необходимости расстреливать всех лиц нетрадиционной ориентации, но быстро понял, что на этой ниве ему хорошего урожая не собрать, и метнулся в сторону антисемитизма. В эфире одной популярной тогда, а сейчас уже всеми забытой радиостанции милый Гриша сказал ведущему: «Необходимо ввести для евреев черту оседлости, запретить им получать высшее образование. У нас куда ни плюнь, повсюду жида сидят: врачи, юристы, академики. Как простому русскому ребенку из Курской области поступить в московский вуз? Экзамены у него будут принимать всякие там Абрамовичи-Мандельштамы-Зенненхунды. Конечно, они своим пятерки поставят, а Ване одни двойки».

Заявление наделало много шума, в эфир стали звонить люди, одни поддерживали Григория, другие называли его мерзавцем. Ведущий потирал руки от радости, программа явно удалась, и тут в радиийное пространство прорвалась женщина со словами:

– Господин Пенкин, меня зовут Анна Яковлевна Николаева, в девичестве Цукерман. Лозунг «Бей жидов, спасай Россию!» в нашей стране существует давно, не одно поколение политиков сделало карьеру на антисемитизме. Замечу вскользь, что ненависть к евреям присуща не только россиянам, но и европейцам, американцам, гражданам других государств. Неприятие человека по национальному признаку говорит не только о плохом воспитании и моральном убожестве, оно свидетельствует о его никчемности, неумении отвечать за свои ошибки. Почему я не поступил в институт? Надо бы честно ответить: потому что плохо учился в школе, не подготовлен к экзаменам. Но признание собственной вины удел сильного человека, готового сделать вывод из своих ошибок и впредь их не повторять. Слабым людям комфортнее обвинять в своих неудачах врага. «Почему я не поступила в институт? Потому что профессор еврей поставил пятерку абитуриенту-иудею». Но я звоню не для того, чтобы говорить на всю страну элементарные вещи. Я нарушу закон и сделаю это сознательно. Отлично понимаю, что завтра меня за звонок на радио выгонят с работы, но иначе поступить не могу. Я заведующая Домом младенца. Тридцать пять лет назад к нам поступил мальчик, здоровенький, без каких-либо патологий. Ребенка подкинули, он был завернут в пеленки и теплое одеяльце, на шее на шнурке висел золотой медальон в виде звезды Давида. Та, что подбросила крошку к дверям

моего интерната, волновалась, как бы новорожденный не простудился, положила его на две резиновые грелки, наполненные горячей водой, позвонила в дверь и убежала. Дело было в районе полуночи. Когда дежурный врач вышла на крыльцо, матери и след простыл. При малыше нашли записку: «Его зовут Гриша». Спустя месяц ко мне приехала пятнадцатилетняя Роза Вайншток, разрыдалась и рассказала, что родила от одноклассника Давида Гольдфедера сына. Сегодня беременная школьница никого не удивляет и не шокирует. Но у советских людей был другой менталитет. Розу и Давида могли исключить из комсомола, заклеить позором. Розе удалось скрыть свое положение от взрослых, девочка тайком от всех разрешилась мальчиком и подбросила его на крыльцо приюта.

– Пожалуйста, разрешите мне иногда навещать Гришеньку, – плакала она в моем кабинете, – я окончу школу, университет, напишу кандидатскую диссертацию и заберу сына!

Я объяснила ей, что жизнь в детдоме не сахар, пройдет не менее десяти лет, пока она выполнит намеченный план. Зачем ребеночку мучиться? Пусть он попадет к хорошим людям, будет считать их своими родителями, а она выйдет замуж, у нее появятся другие дети.

Девочка забилась в истерику, еле успокоилась и попросила:

– Пожалуйста, сохраните медальон, разрешите Гришеньке его носить. Он принадлежал моей прабабушке, пусть оберегает мальчика от беды. Вы правы, моему сыну лучше обрести хороших родителей. Вы же постараетесь, чтобы они были на самом деле замечательными?

Подкидыш попал к Алексею и Валентине Пенкиным, прекрасным людям, ученым-физикам, работавшим на оборону. К сожалению, Алексей получил во время эксперимента большую дозу радиации, и врачи настоятельно не рекомендовали супругам заводить детей. Доктора опасались, что ребенок родится с генетическими дефектами. Первое, на что я обратила внимание, увидев Пенкиных в своем кабинете, это на схожесть приемной матери и Розы. У обеих были большие, чуть выпуклые карие глаза и кудрявые каштановые волосы. Я даже подумала, что в жилах Валентины есть доля семитской крови, но потом выяснила, что ее дед армянин. Алексей выглядел антиподом жене: блондин с голубыми глазами. Внешность потенциальных родителей меня порадовала, если Гриша будет брюнетом, станут считать, что сын удался в мать, если мальчик вырастет светловолосым, значит, он копия отца. Пара прекрасно зарабатывала, жила в громадной квартире, имела благоустроенную дачу, дом в Крыму. Никакой отрицательной информации о Пенкиных не нашли, всем бы таких родителей. Перед тем как отвести Валентину и Алексея посмотреть на младенца, я показала им звезду Давида и сообщила:

– Медальон нашли вместе с малышом, можно предположить, что он еврей. Вас это не отталкивает?

Пенкины переглянулись и хором спросили:

– Какая разница, кто он по национальности?

И я со спокойной душой отдала им Гришу, попросив сохранить мальчику имя. О биологической матери Розе Вайншток я приемным родителям не доложила. Через год Роза опять навестила меня, стала просить адрес семьи, которая усыновила ее Гришу, но я солгала:

– Извини, милая, нам никогда не сообщают такую информацию. Гриша понравился нескольким парам, а уж кому он достался, директору Дома малютки не сообщили.

Григорий Алексеевич, я, если пожелаете, готова предоставить вам вашу младенческую медкарту, вы можете сделать анализ крови и убедитесь, что Пенкины не являются вашими биологическими родителями.

Сейчас, выступая в радиоэфире, я назвала вашу настоящую мать Розой Вайншток, в действительности ее звали иначе, по понятным соображениям я никогда не назову ее имя и фамилию. Но все данные у меня имеются, приезжайте, дам вам телефон родной матери. Напоследок мне хочется выразить вам, еврею по крови и антисемиту по менталитету, глубокое неуважение. И, кстати, вы упомянули в начале эфира семитские фамилии Абрамович-Мандельштам-Зен-

ненхунд. Две первые на самом деле довольно часто встречаются в паспортах иудеев. А вот с Зенненхундом вы ошиблись, это название породы собак.

– Да уж! – пробормотала я. – И как поступил Пенкин?

– Сначала он растерялся, потом опомнился, сказал, что евреи готовы что угодно выдумать, лишь бы опорочить человека, который честно говорит об их воровской сущности. На следующий день после радиопрограммы в прессе поднялся гвалт, на Пенкина налетели все, кому не лень, но Григорий никак не реагировал. В субботу у него планировался очередной антисемитский митинг, но его отменили в связи с болезнью лидера партии. Гриша исчез с политической арены, поговаривали, что он на краю смерти, лечится в Германии, называли разные диагнозы, потом шум утих, о Пенкине стали забывать, на трибунах появились другие люди со своими призывами и лозунгами.

Потом вдруг Пенкин вынырнул из небытия. Еврейскую тему он закрыл, антисемитские гадости не выкрикивает, черные рубашки не носит, перестал брить голову. У Гриши появилась модная стрижка и имидж простого россиянина, живущего на маленькую зарплату, главным его врагом стал Арам Асатрян, владелец нескольких вещевых рынков. Пенкин стал лидером движения агрессивных русофилов под названием «Дайте русским россиянам работу», он опять потрясал кулаками на трибуне и кричал в микрофон:

– Русских людей теснят выходцы из Средней Азии. Куда ни глянь, повсюду они! Азиаты отнимают рабочие места у нас, у русских граждан. Почему иностранцы из ближнего зарубежья получают огромные зарплаты? Знаете, сколько имеет в месяц продавец на рынках Арама Асатряна? И попробуйте найдите среди торговцев человека по фамилии Петров! Нет, там все из кишлаков и аулов. Русскому человеку Асатрян даже унитаза мыть не разрешает. А кто у него покупатели? Понаехавшие из других государств. Может наша российская бабушка купить своей внучке платье за пять тысяч? Почему у нас русский человек стоит в очереди в поликлинике, почему для русских людей нет мест в садиках и школах? Все урюки заняли! Жируют на наши с вами налоги! Вот на кого деньги, отчисленные с зарплат русского народа, идут!

И на сей раз мерзавец Пенкин собирал во много раз большую аудиторию, чем во время своих антиеврейских акций. Толпа легко заводится, кто-то бросил клич: «Выгнать Асатряна!» – и народ кинулся громить рынки.

После этого Арам Ашотович выступил по телевидению:

– Мы платим большие налоги, предоставляем людям рабочие места, – говорил Арам, – торгуем качественными товарами с минимальной наценкой. И да, у нас трудятся узбеки, таджики, армяне, евреи, русские, башкиры, удмурты, немцы. Мне все равно, какой национальности человек, главное, какой он работник. Пьяницу-азербайджанца выгоню вшаей, но и алкоголика-русского выставлю за ворота, прогульщика-таджика уволю, но и Ване под зад коленом за лень дам. Кстати, моя родная сестра замужем за русским Николаем Костюковым, и мы с зятем больше друзья.

Пенкин, услышав речь врага, пришел в неистовство, и его соратники начали поливать грязью семью Асатряна в прямом и переносном смысле слова. В прессу выбрасывались разные гадости про Арама, его жену, сына, невестку, братьев, племянников. Кто-то вылил на капот машины дочери Асатряна ведро цемента. Арам нанял охрану, которая, пару раз побив вандалов, сдала их милиции. А потом случилось несчастье, на Николая Костюкова, мужа сестры Асатряна, напали вечером бандиты, избили его железным прутом и оставили умирать в безлюдном месте. И полиция, и близкие покойного не сомневались, что нападение спровоцировано выступлениями Григория. Но доказать, что Пенкин причастен к гибели зятя, Араму не удалось. Мерзавцев, лишивших жизни мужа сестры, не нашли. Спустя несколько месяцев Григория тяжело ранили, случилось это тридцать первого декабря.

Глава 5

Пенкин всегда передвигался в кольце охраны, но в последний день уходящего года в одиннадцать вечера он отпустил своих секьюрити, они довезли его до ресторана, где он собирался праздновать Новый год, проследили, как хозяин вошел в трактир, и помчались к своим семьям. В шесть утра парням надлежало вернуться за шефом.

Как потом установило следствие, Григорий в начале первого пошел в туалет. Мужской и женский клозеты ресторана находились в разных концах длинного коридора. В полпервого в дамскую комнату направилась Полина Хатунова. Молодая женщина пролила на праздничное платье бокал красного вина и помчалась замывать пятно. Она не дошла до туалета. Сойдя с лестницы, Полина увидела в конце коридора лежащего на полу мужчину. Большинство женщин, учитывая, что идет празднование Нового года, не пошло бы смотреть на парня, валявшегося на ковре, решив, что кто-то из гостей переусердствовал со спиртным. Но Хатунова врач, поэтому она приблизилась к незнакомцу, увидела, что тот ранен в голову, попыталась оказать ему первую помощь, и тут из мужского туалета вышел Дед Мороз. У артиста во время выступления прихватило живот. Полина осталась около Григория, «дедушка» кинулся к метрдотелю. «Скорая» приехала на изумление быстро, медики увидели в коридоре управляющего трактиром, Пенкина, Хатунову и некоего Юрия Глотова, одного из посетителей ресторана. Врач пыталась поддержать жизнь жертвы, местный начальник суетился рядом, Глотов глазел на происходящее. Несмотря на Новый год, на хвосте машины с красным крестом примчались папараци из «Желтухи», и выяснилось, что Юрий, который прибежал из зала якобы помочь, является корреспондентом этого издания. Это он вызвал фотографа. У Глотова при себе не было камеры, только диктофон, и он записал, как Полина героически спасала Пенкина. Хатунова велела фельдшерам ехать в клинику к академику Разгонову, оторвала профессора от праздничного стола, тот успешно провел операцию. В общем, Хатунова спасла Пенкину жизнь и помогла пострадавшему реабилитироваться.

Спустя год после нападения Полина и Пенкин без всякого шума сочетались браком. Жена благотворно повлияла на Гришу, тот больше не лез в политику, прекратил нападки на Асатрянна, основал банк и сейчас не испытывает ни малейших финансовых затруднений. Это Григорий открыл для жены гимназию, в которой учатся в основном дети-балбесы, отпрыски богатых родителей.

– Интересная история, – заметила я, когда Андрей замолчал. – Думаешь, смерть Полины Владимировны связана с прошлым ее мужа?

– Возможно – да, возможно – нет, – осторожно ответил Платонов, – обрати внимание, в кабинет директора постороннему человеку проникнуть трудно.

– Он расположен на первом этаже, – возразила я, – окно в нем забрано мелкой решеткой. У двери, как правило, сидит секретарша, но сейчас ее нет, заболела гриппом. Зато к хозяйке гимназии постоянно забегала Нина Максимовна, учительница биологии. Сегодня она здорово надоела Полине, та ее выставила, наврала, что мучается мигренью, хочет выпить крепкого чая и полежать полчаса на диване.

– Возможно, у директрисы на самом деле болела голова, – сказал Андрей.

– Федотова невероятная болтуня, – усмехнулась я. – Она на редкость пристающая, каждое утро Нина в подробностях рассказывает, как собирает на работу сына. Цитирую ее сегодняшнюю речь: «Накормила мальчика геркулесовой кашей, он отказывался, но я в него умудрилась десять ложек впихнуть, потом велела в туалет сходить. Он не послушался, мы повздорили. И он никак не хотел шапку надевать, я за ним до лифта шла, упрашивала: «Борюнчик, не глупи, отморозишь ушки, заболеешь, отит переползет в бронхит, примет хроническую форму. Вот вырастешь, заведешь девушку, придешь к ее матери руки дочери просить, закаш-

ляешь, а потенциальная теща скажет: «Не нужен нам в семье туберкулезник». А в чем корень проблемы? В ненадетой меховой ушанке!» И все это безостановочно, с причитаниями и оханьем. Представляю, до чего она довела Полину.

– Сколько лет сыну Федотовой? – поинтересовался Андрей.

– Двадцать семь, – хихикнула я.

– Мда, – крикнул Платонов, – он у нее до сих пор в памперсах ходит?

– Наверное, – хмыкнула я. – С улицы в гимназию тоже не просто войти. Дети после занятий одеваются в гардеробе, там у центрального входа дежурит охрана. Самые маленькие заходят в зал ожидания, где толпятся няни, водители, иногда бабушки и мамы. Старшеклассники же выходят на улицу.

– Взрослый человек не может пройти даже на первый этаж гимназии? – удивился Андрей.

– Исключено, – отрезала я, – у вертушки дежурят два охранника, и это не трясущиеся от старости дедушки, а молодые, бдительные парни с оружием. Если родителям надо поговорить с кем-то из педагогов, они могут позвонить учителю. Погоди, у меня второй звонок!

– Больше мне сказать тебе нечего, завтра на работе постарайся разузнать побольше информации о Хатуновой, – попросил Платонов.

– Але! – закричал пронзительный голос. – Дайте к трубке Виолу Леопардовну.

– Виола Ленинидовна слушает, – ответила я.

– Почему дети козлов лепят?

– Простите, не поняла вопроса, – удивилась я.

– Русским языком спрашиваю: чего дети козлов лепят?

– Не могли бы вы представиться? – попросила я.

– Че, непонятно, с кем говорите? Не слышите, что ли?

– У меня прекрасный слух, – заверила я незнакомку.

– И че тогда выпендриваешься? Такое бабло отдаем за хреновую гимназию, обещали ваще полное образование, а они козлов лепят!

– Вы мать ученика, – осенило меня.

– И че ваще непонятно? Кто еще вас хотеть станет? – разозлилась тетка.

Я попыталась докопаться до сути.

– Как зовут вашего ребенка?

– Ну ваще! У нас не ребенок!

– А кто? – поразила я.

– Наследница самого Венедиктова! – торжественно заявила собеседница.

Я мгновенно вспомнила симпатичную первоклашку, чьи маленькие ушки оттягивали серьги со здоровенными бриллиантами, и воскликнула:

– Нюсенька!

– Не смей звать девочку крестьянским именем, – взвизгнула женщина в трубку. – Она Анна Никитична! А вы у ей классная руководительница. Немедленно отмените лепку козлов. Надоело! Уже все прям излепились! Я старалась, две няни пыхтели, управляющий, шоферы, а теперь че? Где итоги-то конкурса?

Пока мать Венедиктовой изливала свой гнев, я перелистала айпад, нашла список учеников первого класса и пропела:

– Уважаемая Елена Ивановна, пожалуйста...

– Ваще! Я вам не девка из деревни, – пошла вразнос мамаша, – сколько денег с нашей семьи отжали! Не фига тут, понимаешь, когти веером растопыривать! Заберу наследницу из тупой гимназии, средства назад потребую. Поняла? Меня зовут Элен!

Я предприняла новую попытку наладить с ней контакт.

– Уважаемая Элен Ивановна...

– О!.. – взвизгнула мать Нюси. – Запиши у себя на лбу: я Элен Джоновна! Нас принимают в своих замках графья Англии. Вы бывали у графьев в Лондоне?

– Никогда, – честно ответила я, – они меня не приглашают.

К Венедиктовой вернулось хорошее настроение.

– Оно понятно почему, рылом не вышла.

– Хочу понять, что это за история с козлами, – спросила я.

Елена начала сыпать фразами. Минут через десять я с большим трудом выловила из словесного мусора нужную информацию. Учительница труда, домоводства и рисования Ангелина Максимовна с сентября дает первоклашкам одно и то же задание на дом: дети должны лепить из пластилина козлов, причем каждый раз им предлагают темы, которые меня здорово удивили. «Козел на рыбалке», «Козел в машине», «Козел со свиньей в кафе», «Козел в фитнесе»... Рогатое животное должно быть наряжено в разную одежду и ботинки, а на морде у него всегда должны присутствовать очки.

– Не, ну ваше! Офигеваю прямо! Когда она потребовала дома слепить козла в кресле, моя домработница связала ему свитер, – плевалась огнем Елена. – Потом ваша училка задала козла на рыбалке, шофер ему плащ смастерил, сапоги из какой-то мути сляпал. Но очки! Охреневшая преподаша хочет их тока в черепаховой оправе! Да я скупила всех очкастых Кенов в магазинах игрушек, чтобы козлу их подобрать! Да я ваше! С ума сошла! Не, ну и че вышло-то? Обещала преподаша конкурс провести среди козлов, типа чей лучший. Натрепала, надо их ваше рожать до тридцатого декабря, потом жюри работы оценит, победителей назовет. Мы все до соплей исстарались, хотели, чтобы Анна первой стала. Не, ну и че? Прекратила баба соревнование! Уже давно козлов не требует, заткнулась, сопит в тряпочку! Блин! Ваше!

– Простите, – не выдержала я, – вы недовольны, что дети лепили поделки, или, наоборот, расстроены, что их больше лепить не надо?

– Не умничай, – взвизгнула собеседница, – Анна должна получить за старания золотую медаль! Чего ваша училка, ваше! Зря мы пыхтели? А? Отвечай!

– Пожалуйста, успокойтесь, – попросила я разъяренную мамашу, – завтра побеседую с Ангелиной Максимовной и выясню, что происходит.

– Ну гляди, я тебя на примете держу, – пригрозила Венедиктова и отсоединилась.

Я потрясла головой. У некоторых детей странные родители. Елена сейчас разговаривала со мной таким тоном, словно я ее раба. Но, с другой стороны, ее можно понять. Если бы вся моя семья по вечерам на протяжении длительного времени лепила козлов в очках в надежде получить приз, а потом бац, и конкурс приостановили, я, наверное, тоже потеряла бы самообладание.

Телефон снова зазвонил.

– Виола Кариатидовна, – сказал вкрадчивый голос.

– Здравствуйте, Карелия Алексеевна, – воскликнула я, сразу узнав завуча Линькову, только она произносит мое отчество таким образом.

– Григорий Алексеевич Пенкин назначил меня временно исполняющей обязанности директора гимназии, – сообщила Карелия. – Конечно, это лестно, но я как подумаю, почему получила повышение, плохо становится.

– Вы не виноваты в смерти Полины Владимировны, – попыталась я успокоить завуча.

– Ну... может, и так, – проямлила она, – на душе кошки скребут, но ведь нельзя отсрачивать дела, которые валяются.

Я вздрогнула. Карелия Алексеевна преподает математику, она владеет предметом, умеет вложить в головы учеников зачатки знаний, но с русским языком у Линьковой проблемы, она выдает дивные перлы. «Отсрачить»! Ну и как мне поступить? Поправить коллегу, сказать, что правильно произносить «отсрочить», а еще лучше «отложить», но как-то неудобно, она обидится. Позавчера «химичка» Мария Геннадьевна услышала, как Карелия в холле объясняла

десятиклассникам, какой должна быть спортивная форма: «Школа не настаивает, чтобы вы ходили одетыми одинаково, как яйца, можете носить на физкультуру, что пожелаете, но только не трусья». Дети дружно засмеялись.

– Что веселого я сказала? – осерчала Карелия.

– Они просто представили, как выглядят яйца в трусах, – пояснила Мария. – Говоря «трусья», вы ведь имели в виду белье? Забавное слово, до сих пор я знала только вариант «труселя».

Ну и что? Линькова теперь на Машу дуется.

– Виола Кариатидовна, – продолжала завуч, – вы мне очень-очень симпатичны, совсем не похожи на остальных, не выпендриваетесь, не сплетничаете, своими мужиками не хвастаетесь, ведете себя достойно, поэтому хочу предупредить: завтра к нам припрутся проверяющие из района. Прямо не знают, чего еще придумать, чтобы нам мозг сожрать! К вам на урок они явятся первыми. Уж постарайтесь поинтереснее его провести. По моим сведениям, у одной из чиновниц дочь в кукольном театре работает, и матери нравится, когда учителя представления устраивают с игрушками. Дети у вас должны сидеть так тихо, чтобы было слышно, как мышь пролетит.

– Поняла вас, спасибо за предупреждение, – поблагодарила я, представляя, как по кабинету парят вместо мух грызуны. – Сейчас куплю что надо и завтра не ударю в грязь лицом.

Глава 6

Когда я утром вошла в свой кабинет, две проверяющие уже сидели на последней парте. Я посмотрела на незнакомых теток и вздрогнула. В мире все меняется, научно-технический прогресс не остановишь. Первоклассница Тараканова мечтала о ручке с секретом, которую одной из девочек привез из заграницы отец. Если покрутить у нее колпачок, то в пластмассовом корпусе открывались окошки, в них появлялись нарисованные зайчики, белочки, кошечки. Современных семилеток эта чепуха в восторг не приведет, у них есть планшетники всех видов и размеров, сенсорные телефоны, и в моем классе не черная доска с мелом и противно воняющей тряпкой, а огромный экран, на котором пишут специальными разноцветными стержнями. В мое время дети ходили на уроки с похожими друг на друга коричневыми портфелями, у современных учеников цветные ранцы невиданной красоты. Я бежала на занятия через пустынный парк, экономила три копейки, которые Раиса выдавала мне на трамвай, а сейчас у гимназии теснятся дорогие иномарки с шоферами. Но одно осталось неизменным, это проверяющие из высших инстанций. Две тетки в темно-синих костюмах, с начесами на макушках и злыми лицами выглядят точь-в-точь, как те женщины, которые частенько входили в класс, где зевала от скуки ученица Тараканова. Может, это они и есть? Вероятно, чиновницы владеют эликсиром бессмертия.

Я поежилась, приблизилась к столу, поставила сумку на пол у стула и сказала:

– Здравствуйте, ребята!

– Доброе утро, Виола Канделябровна, – звонко ответила староста, – сегодня отсутствующих нет, даже Сергеев на месте.

– А чего на меня наезжаешь? – мигом разозлился толстый мальчик, сидевший у окна в левом ряду. – Сама такая.

– Давайте не ссориться, – попросила я, – у нас тема урока: «Русские народные сказки». Чтобы вы не заскучали, я пригласила на наш урок двух жаб!

Произнеся вступление и думая, что заинтриговала детей, я села, полезла под стол, покопалась в торбе, вытащила оттуда двух кукол-лягушек, надела их на руки и забасила:

– Дети, сейчас вы увидите страшных жаб!

– Мы их уже видим, – закричал нестройный хор ребячьих голосов.

Я удивилась, подняла руки, вынырнула из-под стола, хотела начать представление и замерла. Весь класс, сидя ко мне спиной, смотрел на проверяющих.

– Виола Канделябровна, – зашептала Алена Сиротина, оборачиваясь ко мне, – они очень очень жуткие и злые. Настоящие жабищи! Сейчас сожрут!

Дети завизжали и залезли под парты. Я на секунду потеряла дар речи, потом быстро заговорила:

– Ребятки, вы не поняли, я хочу вам показать сказку, у меня в руках милые куколки-лягушечки, вылезайте скорей.

– У нас есть гарантии, что сказанное вами является истиной? – деловито спросил из-под парты Олег Никитин, сын известного юриста. – Какие доказательства достоверности вышесказанного вы готовы предоставить?

Я нажала на одну игрушку, раздалось громкое кваканье. Любопытство победило остальные эмоции, первоклассники заняли свои места за партами. Далее урок потек без сучка и задоринки. Когда прозвенел звонок, проверяющие с каменными лицами вскочили и ринулись к двери. Я поняла, что произвела на них самое отвратительное впечатление, и, решив хоть немного исправить положение, громко сказала:

– Ребята, давайте попрощаемся с гостями. Что надо сказать?

– До свидания, тети жабы, – хором грянул класс.

* * *

Войдя в учительскую, я столкнулась с Ниной Максимовной, та незамедлительно схватила меня за руку.

– Слышала? Карелию назначили директором.

– Временно, – уточнила я.

– Это просто формальность, – со слезами в голосе воскликнула Федотова, – ее навсегда начальницей сделают.

– Вас это пугает? – улыбнулась я. – Думаете, Линькова окажется плохим руководителем?

– Почему она? – голосом, полным отчаянья, продолжала биологичка. – В кресле директора должна сидеть я. Это будет справедливо!

– Карелия завуч, логично, что Пенкин пока выбрал ее, – попыталась я утешить Федотову. – Сейчас ему не до административных перестановок, у него скончалась жена. Григорий Алексеевич занимается похоронами, через некоторое время он придет в себя и...

– Навечно оставит Карелию у руля, – всхлипнула Нина. – Виола Лукьяновна, вы у нас работаете недавно, а я со дня основания знаю Линькову, от кожуры очищенную. Она только внешне розовая собачка, душа у нее как лужа нефти. Могу рассказать, как она заведующей учебной частью стала! Да только вам это неинтересно, и урок скоро начнется.

Я открыла сумку и вынула пакет с пирожками, которые купила рано утром в круглосуточном супермаркете.

– У меня окно, я отработала первый урок, а потом только на шестой пойду. Старшеклассники уехали на стадион, сегодня наша футбольная команда участвует в чемпионате. Полина Владимировна разрешила детям поболеть за своих.

– Действительно, – пробормотала Нина, – совсем забыла. Значит, и мне нечего делать, то-то в учительской никого нет, все, у кого уроков нет, по своим делам разбежались. Странно, что Карелия не отменила распоряжение покойной и не стала сразу свою власть демонстрировать. Вы ее приказ видели?

– Какой? – удивилась я.

Нина Максимовна показала на доску, висевшую под портретом Макаренко.

– Ознакомьтесь.

Я подошла к ней и начала читать текст, набранный крупным шрифтом. «Приказ по гимназии. 1. Учителям, которые пользуются туалетом, не бросать туда бумагу. Вот забыются унитазы, где тогда умываться детям? 2. За вызов слесаря, устраняющего забив толчка, будет платить лицо, которое в него бумаги напихало. 3. Учителям следует за неделю предупреждать учеников, если они хотят дать детям неожиданно и внезапно контрольную. 4. 28 декабря мы ждем в гости делегацию педагогов из Минска. Учащихся надо предупредить о явлении на занятия в парадной форме. Девочки и мальчики обязаны быть в белых рубашках и темных юбках. ВРИО директора гимназии Линькова К. А.»

– Мощный документ, – еле сдерживая смех, пробормотала я, – в особенности меня порадовали мальчики в юбках и водные процедуры в унитазе.

– Поняли, да? Она теперь с нами при помощи письменных указаний общаться будет, – заныла Федотова. – Уже царицей себя считает. Сегодня запретила туалетной бумагой пользоваться, а что ей завтра в голову придет? Велит нам не дышать?

Я открыла пакет с выпечкой.

– Угощайтесь, Нина Максимовна.

– Спасибо, Виола Бурундуковна, – поблагодарила коллега.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Лучше обращайтесь ко мне просто по имени, отчество у меня сложное, запомнить его никому не удастся.

– Отлично, – обрадовалась Федотова, хватая румяную кулебяку, – значит, мы с вами дружим. А раз так, то сейчас расскажу вам про всех. Виолочка, вы попали в гадюшник.

– Вроде народ тут милый, – подначила я учительницу биологии.

Нина направилась к подоконнику, на котором стоял чайник.

– Змеюки ангелами прикидываются. Возьмем Ангелину Максимовну, учительницу труда и рисования. Страшна, как атомная война, выглядит на шестьдесят с гаком, а ей едва сорок исполнилось! Ноги как бутылки, талии нет, задница размером с танк, руки-окорока, на голове воронье гнездо. Она неудачливая художница, все пыталась свои картины продать, по выходным на вернисаже в каком-то парке стояла, но охотников на ее мазню не находилось. Теперь она малевать уродство бросила, занимается в свободное время людям еду на праздниках готовить. Педагогического образования у Жориной нет. Угадайте, почему она к нам на работу попала?

Я изобразила удивление.

– Даже предположений нет.

Нина взяла чашку.

– Ангелина стучала Полине, обо всех разговорах в учительской докладывала, Хатунова ее для этого на работу взяла, хотела знать, какие в коллективе настроения. У меня давно подозрения насчет Жориной зародились. Не успеем мы о своем в учительской побалакать, а директриса уже в курсе дела. Ежу понятно, кто-то ей в уши нашептывает, ну я и решила вычислить ябеду.

– И как вы это сделали? – поинтересовалась я.

Федотова облизнула жирные пальцы.

– С каждой из училок с глазу на глаз пошептала и всем наврала, что получила предложение выйти замуж, совета прошу. Жених иностранец, стоит ли с ним семью строить? А дальше каждой назвала разную национальность суженого. Карелии сообщила, что он американец, Ангелине про араба из Марокко насвистела, Марии Геннадьевне про китайца придумала, ну и так далее. После уроков меня Полина Владимировна в кабинет позвала, усадила, кофейком угостила и завела: «Нина, не глупи! У арабов практикуется многоженство, превратишься в обитательницу гарема, работать он тебе не разрешит, запрет в доме. В Марокко жара...» Ну и так далее. Вот так Ангелина и спалилась, про мусульманина я только ей натрепала. Очень непорядочная женщина Жорина. А еще у нее муж молодой! Безобразие просто! Самой сорок с хвостом, а супругу и тридцати не исполнилось. Растлительница малолетних! Как вам такое?

– Мда-а! – протянула я, роясь в шкафчике с посудой.

– Что ищете? – проявила любопытство биологичка.

– Свою кружку, – ответила я, – куда-то она испарилась.

– Ваша чашечка как выглядела? – спросила Федотова. – С рисунком?

– Нет, просто белая, – ответила я. – Купила ее специально, чтобы в школе чай пить, на дне с внешней стороны нарисована чем-то темным цифра сто. Думала, она отмоется, но нет, как ни терла губкой цифру, та не исчезла.

Нина Максимовна открыла банку с растворимым кофе.

– Такую никто не сопрет, вот если б на ней были собачки-кошки-птички, Вера Борисовна утянула бы.

– Библиотекарь? – уточнила я. – Она нечиста на руку?

Собеседница поджала губы.

– Деньги никогда не тронет, но, если увидит нечто с принтом в виде животных, вмиг утянет. Правда, если сказать: «Вера, верни мою собственность», – она беспрекословно отдаст.

– Полина Владимировна тоже любила посуду с изображением животных, – заметила я.

– С чего вы взяли? – удивилась Федотова. – Хатуновой было все равно, из чего пить.

– Я видела вчера на ее столе фарфоровый бокал, разрисованный то ли пуделями, то ли терьерами, – ответила я, – и еще на нем вроде котята были.

– Да, – протянула Нина, – он в шкафу стоял, когда я туда заглянула. Секретарша косо-рукая опять посуду грохнула. У девицы убойная сила в руках! Уж на что Полина была не вредной, никогда ни на кого не кричала, но неделю назад к Хатуновой приезжал мужчина, ну очень богатый, влиятельный, к тому же, вот странность, интеллигентный человек. Сам пришел просить, чтобы его сына посреди учебного года в нашу гимназию взяли. Полина велела Ленке кофе подать, та явилась с подносом, а на нем! Кружка с трещиной, чашка без блюдца... Позорище! Только олигарх уехал, Хатунова начала секретаршу убивать. Орала так, что в учительской стены дрожали: «Где сервиз, который для гостей купили? Ах, ты его разбила! Подала барахло, которое под руку попало?! Уволена!!!» Лена зарыдала, прибежала ко мне, я пошла к Полине, та уже успокоилась, опять вызвала на ковер Елену и строго ей приказала: «Скажи спасибо Федотовой за защиту. Можешь продолжать работать, но, если я узнаю, что ты разбила даже граненый стакан, выгоню вон без выходного пособия». Довела Елена начальницу до ручки. И что? Сделала балбеска выводы? Нет! Я вам уже рассказывала, как вчера утром Полина шкаф открыла, а там! Бардак! Лена новый сервиз разбила, сунула на полку дурацкую кружку с собачатами-котятами! За дело секретаршу директриса выгнала. Лена вечно все роняла и портила, ухитрилась даже обычный консервный нож испортить. Как можно согнуть железный крючок, приделанный к деревяшке, а? Между прочим, дурочка ухитрилась потерять ключи от кабинета директора, и не только свой комплект, но и запасной. Все собирались новые сделать, но не успели. Правда, Полина никогда двери не запирала, но разве секретарь может быть такой растяпой? Что-то вы, Виолочка, напутали, Полина к животным равнодушно относилась. Вот у Веры Борисовны, у той прямо зоопарк. Вы в нашу библиотеку заглядывали?

– Пока не довелось, – ответила я.

– Пойдите туда, получите сильное впечатление, – пообещала биологичка, – повсюду плюшевые игрушки, пыль столбом, постеры с кисками на стенах, портретов великих писателей нет. И Соева дикая лентяйка, ничего для детей не делает. А Полина Владимировна, которая всех учителей за работу шпыняла, к Вере не придиралась. Шитова директрисе сто раз на Веру жаловалась, а Хатунова не реагировала.

– Преподавательница химии? – уточнила я. – Что они с библиотекарьшей не поделили?

Глава 7

Нина Максимовна округлила глаза.

– Голубей. Вера обожает птичек, кормит их, насыпает в кормушку на окне семечки, крошки. А что творят пернатые, когда жрут? Простите за откровенность, срут! Какашки летят вниз и пачкают стекла в кабинете Маши. Раньше у нас библиотекарем была Люся Мусина. – Федотова показала рукой на окно. – Видите дом?

– Желтый, трехэтажный? – спросила я. – Симпатичный, облицован красивыми панелями. Федотова покосилась на пирожки, но удержалась, не взяла очередной.

– Интересная у него история! Когда я на работу в гимназию нанялась, это был жуткий клоповник, без слез и не взглянуть. Жили там алкоголики, маргиналы, вели они себя соответственно. Я человек открытый, прямой, поэтому один раз спросила у директрисы: «Полина Владимировна, у нас элитная гимназия для детей из обеспеченных семей, не очень-то удачное соседство убогий барак. Родители платят большие деньги за обучение детей, они могут претензии предъявить, что ребята на пьянчуг любят». Начальница поморщилась. «Вы правы, я тоже не в восторге от жителей клоаки, сейчас Григорий Алексеевич ищет пути решения проблемы. Сложность состоит в том, что развалюха не муниципальная, принадлежит военным, продать ее они то ли не могут, то ли не хотят. Ну, ничего, мой муж рано или поздно разберется с этим безобразием». И точно! Пенкин купил дом, но снести его ему не разрешили. Он не сдался, отремонтировал здание, выселил оттуда маргиналов и предоставил просторные, прямо шикарные квартиры нормальным людям. Обратите внимание на второй этаж, на окна с геранями.

– Вижу, – кивнула я, – много горшков с цветущими растениями.

– Там Люся Мусина живет, – зачастила Федотова. – У нее трое детей, муж профессор, он немного получает, вторая зарплата семье не помешает, но Людмила надолго из дома уйти не может, сыновья внимания требуют. Мусиной сидеть на службе с девяти до шести нельзя, вот она и попросилась в нашу библиотеку. Очень удобно, ехать далеко не надо, отправила своих мальчиков в школу, отсидела до четырех дня в библиотеке, и свободна. Людмила аккуратная, исполнительная, дети ее любили, а Полина Мусину уволила.

– За что? – удивилась я.

Нина Максимовна развела руками.

– Понятия не имею, и никто не знает. Утром Поля вошла в учительскую в сопровождении незнакомой женщины и сказала: «Знакомьтесь, Вера Борисовна Соева, новый библиотекарь». Авдотья Громушкина, психолог наш, жутко невоспитанная, сразу спросила: «А Люся куда денется?» «Людмила Игоревна уволилась по собственному желанию», – соврала Хатунова.

– У Мусиной много детей, возможно, она поняла, что совмещать работу и воспитание ребят трудно, поэтому и ушла. Зачем Полине лгать коллективу? – возразила я.

Федотова отхлебнула кофе.

– Нет, она сказала неправду. Через некоторое время после смены библиотекаря я Люсю встретила в магазине. Смотрю, идет Мусина в новой норковой шубке, очень симпатичной, светло-серой, пуговицы-стразы, недешевое манто. Вот уж я удивилась. Мы с Люсей дружим до сих пор, я к ней после уроков иногда забегаю. Квартира у них многокомнатная, с хорошим ремонтом, уютенькая, но видно, что у хозяев больших денег нет. Одевалась Людмила однообразно, у нее была пара юбок и несколько блузок. Незадолго до увольнения Люси, дело зимой было, Ангелина Максимовна приперлась в новой шубе. Жорина удивительно бестактный человек, вошла в учительскую и давай хвастаться: «Вон что мне муж преподнес! Манто из соболя». Наши дурочки заахали, заохали, начали обновку ощупывать, примерять,

галдеж поднялся. Одна Люся бочком, бочком, и в библиотеку. Я за ней поспешила, вижу, она слезы вытирает. Мне ее жалко стало, начала глупышку утешать: «Не завидуй. Шуба не из соболя, а из кошки сшита, на следующую зиму развалится, а то и один сезон не переживет. И Ангелина врет не только насчет манто. Мужик у нее неудачный, денег не зарабатывает, живет за счет жены. Он альфонс, женился, чтобы супруга его содержала, артист неудачливый. Жорина утверждает, что муж в разных театрах выступает, но когда ее просят контрамарки принести, сразу в отказ: «Ну, сейчас супруг из одного коллектива ушел, в другой оформляется». Один раз я красавчика видела, Полина Владимировна нас в театр повела, всем по два билета подарила, вот Жорина мужа и показала. Мордатый холеный мужик в очках, глупо шутил, комплиментами сыпал, шампанским всех в буфете угостил. Наши дурочки им очаровались, млели от его тупых шуток. Но меня-то не обмануть. Я давно поняла, тянет парень из немолодой дуры средства, сам весь день на диване лежит. Встретит он богатую, вмиг от Жориной слиняет, и ребенка Ангелина не родила, думаю, ее пиявка не хочет детей. Шубу из кошки Жорина сама купила, небось кредит взяла. А у тебя муж прекрасный, семья для него главное, сыновей он обожает. У тебя намного лучше шубейка будет». Мусина носом шмыгнула: «Интересно, откуда она возьмется? Живу по остаточному принципу, деньги на детей и мужа трачу, а что осталось, мне достается». Я ей посоветовала: «Сэкономь на хозяйственных расходах, дал твой профессор сумму на питание, треть себе заначь. На суп вместо говядины бери курицу, на завтрак кашу вари, она полезней, и крупа копейки стоит». Люся печально так ответила: «Спасибо, Нина Максимовна, уж я зажалась, лишнюю картофелину не куплю. Но в одном вы правы, рыдать не стоит, от слез денег в кармане не прибавится. Никогда у меня шубка не появится, даже мечтать о ней не надо». И вдруг! Идет мне навстречу Людмила в норке, да не в полушубке скромном, а подолом пол подметает. Я ее остановила, давай расспрашивать, шубу нахваливать, она прямо покраснела от удовольствия и пояснила: «Свекровь умерла, оставила мне свое манто в наследство, она его совсем не носила». Но я-то вижу, врет многодетная мамаша! Я недавно книгу одного американского психолога прочитала, в ней написано: если человек во время беседы глядит налево, он брешет. Ну, потом она сказала: «Прости, времени совсем нет, надо покупки сделать». И ушла. А я отправилась посмотреть, что сыну на день рождения подарить. Кругом народа! Море-океан, пропихиваюсь сквозь толпу и слышу знакомый голос: «Что от тебя Федотова хотела?» Гляжу, а впереди меня Люся с Полиной Владимировной идут. То-то я удивилась! Почему они вместе? Когда Люся у нас работала, я не замечала, чтобы библиотекарь и директриса дружили. А сейчас как близкие люди общаются, Мусина Хатунову под руку держит.

– Она мою шубу нахваливала, – ответила Люся, – спрашивала, сколько та стоит, где купила.

– Что ты ей сказала? – занервничала владелица гимназии.

– Правду. Норку мне Полина Владимировна подарила за уход по собственному желанию, чтобы она Веру могла на мое место взять, – сказала бывшая библиотекарша.

Хатунова остановилась.

– Господи! Я же тебя просила молчать!

Люся обняла ее.

– Поля! Прости, я глупо пошутила! Придумала, будто обновка мне в наследство от покойной свекрови досталась.

– Вот же повезло тебе с Федотовой столкнуться! – в сердцах воскликнула директриса. – Что ее в этот магазин занесло! Чего она на другой конец Москвы поехала? Еще, не дай бог, сейчас с ней столкнемся, не надо, чтобы она нас вместе видела!

– Не нервничай, – успокоила бывшую начальницу Мусина, – Нина хороший человек, она уже забыла, что меня встретила, торговый центр огромный, Федотова на другом этаже шастает. Давай в обувной бутик заглянем.

Я поняла, что они налево свернут, и бочком-бочком в какой-то отдел ввинтилась. Понимаешь, да?

Я прикинулась дуручкой.

– Полина Владимировна попросила Людмилу написать заявление по собственному желанию и подарила ей за это дорогую шубу. Но зачем она это сделала?

Федотова снисходительно похлопала меня по плечу.

– Виола, это же элементарно. Полина решила взять в гимназию Веру Борисовну, ей это зачем-то надо было. Хатунова новую библиотекаршу опекала, хотя толку от нее никакого. Людмила активно с детьми работала, диспуты по произведениям классиков устраивала, клуб книголюба открыла, приучала ребят к чтению. А Соева сидит соевой, только книги выдает с недовольным видом, и все. Ребят она не любит, морщится, когда на переменах они шумят. С коллегами нелюбезна. Вчера я к ней в читальный зал заглянула, попросила: «Сдайте, пожалуйста, тысячу на Новый год, мы в буфете стол накроем». Думаете, Вера поинтересовалась, что мы купить собираемся, предложила свою помощь? Сунула мне купюру и съязвила: «Надеюсь, Ангелину не попросите пироги печь, они у нее ужасные». Здорово, да?

– Не очень вежливо, – поддакнула я.

– Вот и мне так показалось, – нахмурилась Нина. – Вышла я в коридор, наткнулась на Полину Владимировну, ну и не сдержалась, сказала ей: «Вера Борисовна очень вредная и злая. Неудивительно, что дети теперь в библиотеку не спешат. Вот Мусина замечательная была, ее школьники и учителя обожали». Директриса покраснела и заявила: «Уважаемая Нина Максимовна, меня, как руководителя, Соева устраивает целиком и полностью. Если вы недовольны Верой Борисовной, не желаете с ней бок о бок работать, то можете уволиться». И унеслась! Я прямо онемела, никогда Хатунова ни с кем в таком тоне не говорила. Потом я вспомнила, как Полина на сторону Веры в конфликте с голубями встала, и до меня с опозданием дошло: Соева для нее особенный человек. Вот вы как поступите? Представьте, что являетесь директором, прибегает к вам в кабинет Мария Геннадьевна и просит: «Пожалуйста, запретите библиотекарше кормить птиц, дерьмо падает прямо на окна моего кабинета. Мне приходится каждый день их мыть. Неприятно любоваться на гуано, и голуби сразу разносят, а у нас дети, подхватят орнитоз, беды не оберемся, санитарная инспекция на гимназию штраф наложит».

– Ну, – протянула я, – наверное, я бы вежливо поговорила с Верой Борисовной, объяснила ей, что сизари часто являются переносчиками опасных инфекций, школа несет ответственность за учащихся, и приказала прекратить приманивать пернатых.

Федотова скривилась.

– Это реакция умного человека. А Полина отчитала Машу за нелюбовь к живой природе, велела ей думать о работе, а не пялиться во время урока в окно, заявила: «Я не могу исполнять капризы коллег. Сегодня вам не нравятся птицы, завтра вы потребуете убрать аквариумы с рыбками, хомячка и морских свинок из живого уголка. Что дальше? Будете настаивать на увольнении коллег? Это моя гимназия, и порядки в ней устанавливаю я. Не согласны с решениями директора? Дверь на улицу открыта. На ваше место через пять минут сто претендентов примчится. Вы свободны». Во как она Шитову, словно первоклассницу, на место поставила! На что угодно спорить готова, Хатунову и Соеву связывали какие-то отношения...

Разговор прервал звонок.

– Урок закончился, – засуетилась Нина. – Виола, спрячь пирожки, сейчас Ангелина придет, увидит их и вмиг слопают, у Жориной пищевая распушенность, что видит, то и жрет. Не зря у нее такая фамилия. Ой, Ангелиночка, здравствуй, как у тебя дела? Выглядишь усталой!

Глава 8

Оставив Федотову и Жорину пить чай с оставшимися пирожками, я поднялась на третий этаж и вошла в библиотеку. В нос ударил специфический запах старых книг, пыли и каких-то знакомых духов. Сидевшая за стойкой женщина подняла голову и вопросительно глянула на меня.

– Здравствуйте, Вера Борисовна. Мы с вами до сих пор встречались только в учительской и в буфете. Вот, заглянула посмотреть, какие книги тут есть, – начала я разговор, оглядывая помещение.

Надо признать, Нина Максимовна была права, рассказывая про странный интерьер библиотеки. Помещение смахивает на офис Гринписа, зоопарка или ветеринарной клиники, на храм книг оно мало похоже. На стенах множество постеров с изображением котят-щенков, на подоконниках лежат плюшевые Барсики и Полканы, на столах, где дети могут читать книги любимых писателей, стоят дешевые статуэтки китайского производства. Угадайте, кого они изображают?

– Фонд хороший, есть литература как по школьной программе, так и по внеклассному чтению, – пояснила Соева. – К сожалению, ребята сюда не забегают, они предпочитают телевизор и компьютер.

– Вот поэтому я и пришла, – обрадовалась я удачному повороту беседы. – Давайте сделаем совместное мероприятие, диспут, например, или...

– Уважаемая Виола Ленинидовна, – остановила меня библиотекарь, – с завтрашнего дня я тут больше не работаю, меня уволили. Велено отработать положенные по закону дни и улаживать. Если не подам заявление по собственному желанию, выгонят со скандалом.

– Кто? – оторопела я. – Почему?

По лицу Веры Борисовны скользнула тень улыбки.

– Одна из первых акций Карелии Алексеевны на новом посту: гнать Соеву в шею. Мне даже лестно. Не думала, что являюсь столь значимой для Линьковой личностью.

– Что плохого вы совершили? – продолжала я удивляться.

– Я не педагог, – вздохнула Вера Борисовна, – специального образования не имею, в школе никогда не работала, но наивно считала учителей грамотными людьми, они обязаны изъясняться на правильном русском языке.

Соева открыла ящик стола и вынула оттуда блокнот.

– Сейчас зачитаю вам перлы, которые выдает Карелия Алексеевна. На собрании коллектива она всем объявила: «Внимание! Многие дети стараются удрать с уроков в сортир. Вчера Обозов четыре раза на математике руку тянул и ныл: «Мне выйти надо». Неделю болел, вернулся на занятия и сразу в туалет захотел. Значит, так! Теперь вы пускаете учащихся младших классов в клозет только с большим желанием на лице. А старшим детям объясните: в выпускном классе в туалет ходить стыдно!»

Я засмеялась. Вера Борисовна укоризненно щелкнула языком.

– Тц, тц, тц. Совсем не смешно. Могу продолжить, вот обращение завуча к детям перед началом торжественной линейки по случаю окончания учебного года: «Всем построиться в верхнем правом углу коридора!»

Соева перевернула листок.

– Цитировать Линькову можно бесконечно. «Удача повернулась к вам задом моего лица». Это она заявила, сказав десятиклассникам про контрольную: «На оси координат крестиками проставьте кружочки». Я долго удивлялась, слушая Линькову, а потом показала свои записи Хатуновой и задала справедливый вопрос: «Может ли абсолютно безграмотная баба работать с детьми?» Полина Владимировна была человеком добрым, ответила: «Карелия Алексеевна пре-

красный завуч, любит детей. Я с ней поговорю, попрошу следить за речью». Через день после беседы, когда я вошла в учительскую, Линькова демонстративно встала и, громко сказав: «В присутствии особо грамотных людей мне находится не хочется», – демонстративно покинула помещение. С той поры она начала ко мне придирааться, делала массу замечаний не по делу, а теперь, заняв кресло начальницы, решила избавиться от меня. Но я, Виола Ленинидовна, о своем поступке не жалею. Педсостав молчит, не хочет с Линьковой отношения портить, а я лицемерить не приучена.

– Вы единственная здесь, кто правильно произносит мое отчество, – похвалила я ее. – Слышала много разных вариантов: Леопардовна, Лебединовна, Канделябровна...

Вера развеселилась.

– Последняя модификация нравится мне более всего. Кто ее автор? Карелия?

– Нет, староста первого «А», – уточнила я.

– Дети очень креативны, – кивнула Соева, – а взрослые невнимательны, и, как правило, им есть дело только до собственных проблем. Вашего отца звали Ленинид, что расшифровывается как «Ленинские идеи». На мой взгляд, Сигизмундовна или Вячеславовна намного труднее произнести.

Я села на стул, стоящий у стойки.

– Вы меня узнали!

Вера Борисовна открыла ящик стола и достала мой новый роман в бумажной обложке.

– Некоторые считают ваши книги пустым чтением, нет в них философских размышлений о смысле жизни, но я их люблю.

– Не обещала своим читателям таких произведений, – пробормотала я, – пишу детективы. Литература делится на жанры, только идиот считает, что все писатели обязаны строчить одинаковые романы и заставлять людей думать о мировых проблемах. Я развлекаю человека, предоставляю ему возможность отдохнуть, отвлечься от проблем. И давно вы знаете, кто я на самом деле?

– Увидела вас первый раз в коридоре и сразу поняла, что в гимназии появилась Арина Виолова, – чуть понизив голос, ответила Вера Борисовна.

– Но вы ни с кем не поделились своей догадкой? – предположила я.

– Друзьями в школе я не обзавелась, здесь симпатичных людей нет, – сказала Вера Борисовна. – А вот вы мне, в отличие от местной публики, приятны. Нет ни малейшего желания мешать вам бежать по следу. Читала про вас в Интернете, там в разных материалах рассказывается, что Арина Виолова сначала расследует преступление, а уж потом, опираясь на факты, пишет книгу. Вы старательно загримировались!

– Всего-навсего слегка изменила прическу, челку отстригла, – объяснила я, – и посадила на нос очки с простыми стеклами. Зрение у меня на самом деле прекрасное.

Вера Борисовна поплевала через левое плечо.

– Тьфу, тьфу, пусть оно таковым и остается, никогда не хвастайтесь здоровьем при посторонних. Вы же меня совсем не знаете. Вдруг я позавидую, пробью в вашей ауре дыру, через нее энергия утечет!

– Вы не похожи на злобную завистницу, – возразила я.

– Верно, – согласилась собеседница, – но в школе полно таковых. Например, Нина Максимовна сюда многократно забегала и выведать пыталась, какие отношения нас с Полиной Владимировной связывают, так и эдак подъезжала, но я непонимающей прикидывалась, под идиотку косила. И всякий раз, когда разочарованная Федотова из библиотеки уходила, со стены портрет шпица в шляпе падал. Нина бесилась, что ничего не выяснила, ее эмоции веревку пережигали, и плюх! Черная женщина.

– Спасибо, что не позвонили на телевидение, – поблагодарила я, – у вас был шанс стать звездой шоу. Кстати, он до сих пор еще в силе.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – удивилась Вера. – Я редко включаю телевизор, не чаще раза в месяц. И не смотрю дурацкие программы, меня интересуют только рассказы о животных, птицах. Как вы догадались, что Полина скончается?

Я сначала не поняла вопроса, но потом сообразила, что имеет в виду библиотечка.

– Что вы! Мое появление в гимназии никак не связано с кончиной Хатуновой. Издательство предложило мне поучаствовать в телепроекте «Чужой среди своих», я очутилась в школе только по этой причине. Объяснить вам суть шоу?

– Мне интересно все, что связано с вами, – ответила библиотечка.

Выслушав мой короткий рассказ, Вера Борисовна пару секунд помолчала, потом воскликнула:

– Но теперь-то вы будете искать убийцу Хатуновой?

Я насторожилась.

– Откуда вам известно, что владелица гимназии умерла не своей смертью? Сотрудникам школы сообщили про сердечный приступ.

Вера растерялась, а я продолжала:

– Вы были близки с Хатуновой. Чтобы принять вас на работу, Полина выгнала из школы Людмилу Мусину. Кстати, преподаватели считают, что Люся работала лучше вас, она занималась с детьми, приучала их к чтению, школьники толпились в читальном зале. А вы просто выдаете тома, вид у вас неприступный, ученики опасаются к вам лишний раз подойти.

Вера Борисовна рассмеялась.

– Похоже, вы пообщались с Карелией Алексеевной. Эта дама нелепа во всем, начиная с имени, которое она получила в честь места рождения своего отца, республики Карелии. Завуч хотела пристроить на службу в гимназию Настю, свою дочь-неудачницу. Девушке вот-вот тридцать стукнет, а она нигде не работает, потому что с трудом окончила школу и не получила высшего образования. Анастасия патологически глупа, ей не удалось освоить ни одну, даже примитивную профессию. Обычно такие курицы выходят замуж, рожают троих-четверых детей и становятся домашними хозяйками. Но Настя еще и патологически ленива, она не умеет даже чайник вскипятить. Полина Владимировна не хотела брать дочь Линьковой, я просто подвернулась ей в нужный час под руку. Карелия явилась к Хатуновой после уроков и попросила оформить на работу Анастасию. А я заглянула в гимназию рано утром, прочитала объявление в Интернете о вакансии библиотекаря. Директриса меня выслушала, но ничего не пообещала, сказала дежурную фразу: «Рассмотрю заявление и свяжусь с вами». И, вот уж странно, она соединилась со мной в районе шестнадцати, велела поторопиться в гимназию, чтобы без промедления оформиться на службу. Хатунова решила, что лучше уж незнакомая Соева, чем Настя, и придумала, как отказать Карелии. Начнет та дочь на должность пропихивать и услышит: «А я уже оформляю человека на работу, извините, вы опоздали с просьбой». Мусина уволилась по собственному желанию, она многодетная мать. Не стоит верить сплетням, которые ходят по гимназии. Женский коллектив, здесь вам еще не то расскажут! Уши завянут.

Я взяла со стола книгу в яркой обложке.

– Так приятно, что вы читаете мои романы, я всегда стараюсь закрутить сюжет. Но вот конкретно этим произведением недовольна. Может, следовало сделать главную героиню блондинкой? Пошутить насчет ее глупости?

– Образ безмозглой блондинки – шаблонный ход, – снисходительно заметила Вера Борисовна. – Не переживайте, детектив у вас, как всегда, получился захватывающим.

– Вам понравилось, что сюжетом является история непокорной брюнетки? – обрадовалась я. – Женщина-вамп в качестве преступницы показалась вам оригинальной?

– Она очень убедительна, – кивнула Соева, – действие лихо закручено.

Я вернула книгу на место.

– Вера Борисовна! Роман, который мы с вами только что обсуждали, на самом деле необычный. В нем впервые главным действующим лицом является мужчина, а не роковая темноволосая дама. Я вовсе не являюсь вашим любимым автором. Вы умный человек и понимали, что я рано или поздно загляну в библиотеку, поэтому подготовились, приобрели у метро мою книгу. Чтобы принять вас на службу, Полина Владимировна попросила Мусину уволиться, а за это купила ей дорогую шубу. Какой вывод можно сделать из всего вышесказанного? Либо вы близко дружили с Хатуновой, либо она была вам чем-то обязана, либо вы ее шантажировали. Сейчас вы не сомневаетесь, что Полину Владимировну убили. Вопрос: вы знаете, кто хотел причинить зло жене Пенкина?

– Да, – воскликнула Соева, – и могу сообщить имя этого человека. Но не бесплатно. Деньги мне не нужны. В письменном столе Полины есть тайник, он в левой тумбе. Если присядете перед ней на корточки, то увидите в центре изображение медведя. Надо нажать сначала на левый глаз, потом на правый, на нос, и откроется небольшой ящик, в котором лежит папка. Принесите ее мне и получите необходимые сведения. Вы правы, я не читаю литературу, в жанре которой вы успешно работаете. Мне требовалось расположить вас к себе, чтобы получить папку. Я не смогу войти в кабинет Хатуновой, не привлекая внимания, а у вас это получится.

– Мне тоже будет трудно незамеченной туда проникнуть, – возразила я. – Кто-нибудь из педагогов может заметить, что я заходила в кабинет директора, пойдут разговоры.

Вера сложила руки на груди.

– Виола Ленинидовна, сейчас дверь в кабинет Полины опечатана полицией. Полагаю, вскоре ее откроют, и там воссядет Карелия, тогда к папке будет очень трудно подобраться. Я бы могла сама подождать часов до шести, когда в гимназии никого не будет, и зайти в кабинет, но мне придется разорвать бумажку с печатью. Непорядок завтра непременно заметят, выяснится, что я оставалась допоздна на работе, а мне это не свойственно, поднимется шум. Не хочу привлекать к себе внимание, поэтому демонстративно покину библиотеку, как только содержимое тайника окажется в моих руках. Если хотите выяснить правду о Полине Владимировне, начинайте действовать. Мне без разницы, что вы придумаете, чтобы выполнить мое условие. Времени у вас в обрез. Папку надо принести до окончания последнего урока.

Я облокотилась о стол и слегка сдвинула локтем стопку книг.

– Где у меня гарантия, что, получив ее, вы расскажете мне нечто интересное? Вдруг вы меня обманете? И сообщение о тайнике в столе звучит странно. Зачем Хатуновой что-то прятать в кабинете? Ценные бумаги люди держат в банках. Вероятно, вы посылаете меня в кабинет начальницы, чтобы спровоцировать скандал. Или еще по какой-то непонятной мне причине.

Вера поморщилась.

– Сделайте одолжение, уберите руки. Я люблю строгий порядок и красоту.

Я отодвинулась от стола.

– Едва войдя в библиотеку, я поняла, что вы педант. Тут все лежит аккуратными стопками, предметы расставлены по ранжиру, и вы любите красоту. Ручки в стакане одинаковые, а не разномастные. На тумбочке у стены чайные принадлежности, чашки с блюдцами с цветочным нежным рисунком, очень красивые, ложечки, похоже, серебряные, печенье лежит не на тарелке, а в корзиночке, заварочный чайник оригинальный, у него крышка в виде розы. Кружка на вашем столе из дорогого фарфора, с принтом в виде собак-кошек.

Соева выравнивала случайно сдвинутые мной книги.

– Любовь к порядку похвальное качество. Доброе отношение к животным – тоже. И я в отличие от Марии Геннадьевны приемлю всех божьих тварей. Шитова злая баба, она ненавидит голубей. Ну да бог ей судья. Вернемся к папке. Стол для кабинета Полина привезла из дома, ей его подарил отец, он сделан по спецзаказу, тайник в нем соорудили, чтобы сделать

приятное девушке, которая любила с детства все прятать. Я знаю о Полине много. Вы ахнете, когда услышите имя ее убийцы и узнаете, почему Хатунову лишили жизни. Несите папку, и тайна откроется.

Я развернулась и молча пошла к двери.

Глава 9

Прежде чем пересечь большой холл, через который можно попасть во владения директрисы, я внимательно осмотрелась. Старшеклассники уехали на футбольный матч, и большинство учителей отправились с ними. Дети помладше сидели на уроках, никто по первому этажу не носился. А вот из учительской доносились голоса, свободные от занятия педагоги что-то бурно обсуждали. Я втянула голову в плечи, в два прыжка очутилась около двери приемной, толкнула ее, влетела в предбанник перед кабинетом и перевела дух.

Бумажную ленту с печатью, украшавшую косяк, я разрывать не стала, очень аккуратно поддела ее тонкой линейкой, найденной на столе секретарши, и проникла в помещение.

Присев около левой тумбы письменного стола, я сразу увидела медальон с изображением медведя, нажала на левый глаз Топтыгина, раздался тихий скрип, и я удивилась, тайнику пока рано открываться, но тут же сообразила, что звук не имеет ни малейшего отношения к секретному отделению, это кто-то вошел в кабинет. Меня, сидящую на корточках за громоздким столом, человек не заметил, судя по звуку, он открыл шкаф у стены.

Я осторожно высунулась из укрытия и увидела школьника лет девяти-десяти. Он был одет в форму гимназии. Лица я не рассмотрела, мальчик находился ко мне спиной, и он действительно рылся на полках. Я молча наблюдала за пареньком. Что он ищет? Проще всего было встать и задать вопрос вслух, но я не могла этого сделать, потому что сама тайком сюда проникла. Надо подождать, пока гимназист обернется, запомнить его и посмотреть, что он возьмет. Словно услышав мои мысли, он вытащил одну папку, открыл ее, достал желтый пакет, выудил из него лист бумаги... Теперь парнишка повернулся боком, я наблюдала, как он внимательно изучает документ, но лица его опять разглядеть не сумела, оно было повернуто к стене. Вдруг мальчик всхлипнул, вернул документ в пакет, вложил его в папку, поставил ее на полку... и тут в моем кармане оглушительно затрещал мобильный. Я живо отключила звук, но поздно. Школьник покачнулся, схватился рукой за ряд скоросшивателей, свалил их и опрометью кинулся в предбанник. У меня от сидения в неудобной позе затекли ноги, поэтому я не смогла быстро подняться, а встав, не сразу побежала. Когда я наконец-таки вывалилась в большой холл, безобразника и след простыл, а я столкнулась с Ангелиной Максимовной. Телефон в кармане брюк завибрировал, но мне было не до него, я налетела на учительницу труда и рисования.

– Видели мальчика?

Жорина вытянула губы трубочкой.

– Гимназиста?

– Да, да, да, – закивала я.

– В форме? – процедила Ангелина.

– Верно, – подтвердила я.

– В нашей? – тянула Жорина.

Мне захотелось схватить тетку, найти у нее переключатель скоростей и перевести его в спортивный режим.

– На ребенке были голубая рубашка, вишневая трикотажная жилетка и такого же цвета брючки. Это точно наш мальчик.

– В соседней школе, расположенной на улице Лаврентьева, дети ходят в похожей, – бубнила Ангелина. – Полина Владимировна рассердилась на их директрису Зою Федоровну. Та сама ничего придумать не способна, вечно обезьянничает, слизывает наработки Хатуновой. Наша директриса лично разработала дизайн одежды учащихся, использовала свои любимые цвета. А Зоя просто украла чужую интеллектуальную собственность. Полина...

Жорина закрыла глаза ладонью.

– Как мы без нее будем? Гимназия развалится, все безработными станем! Вы, случайно, не заметили, какой герб у парнишки спереди на жилетке вышит? Если двуглавый голубой орел с книгами в лапах, то ученик наш. А почему вы спрашиваете?

– К сожалению, видела только спину мальчика, – призналась я и начала врать. – Я зашла в приемную, хотела взять там пару листов чистой бумаги, увидела, что на двери кабинета Хатуновой бумажка с печатью отклеена, решила заглянуть туда, а оттуда выскочил мальчик и удрал так стремительно, что я его разглядеть не успела. Он набезобразничал в кабинете, пошвырял на пол папки с личными делами. Знаю, что в нашей гимназии запрещено делать ученикам замечания, но это же событие из ряда вон! Хулигана нужно отругать.

– Совершенно с вами согласна! – кивнула Жорина. – Пойдемте в учительскую.

– Нет, – возразила я, – лучше скажите: кто здесь только что пробежал?

– Давайте попьем чаю, – занудила Ангелина, – вы такая бледная. Заварю вам чудесный напиток, поговорим в спокойной обстановке.

Но я не собиралась двигаться с места.

– Гимназист должен был с вами столкнуться! Он вылетел из приемной минуту назад.

Ангелина поджала губы.

– Я только что со второго этажа спустилась, отдышаться не успела. Внешность какая у хулигана? Толстенький или щупленький? Цвет волос? Может, родинка на щеке была? Шрам на лбу? Уха нет?

– Здесь учится мальчик с таким дефектом? – удивилась я. – Ни разу не видела тут школьника без уха!

Жорина вскинула подбородок.

– У нас таких нет, высокая плата за обучение не позволяет переступать порог элитного заведения лицам из неблагополучных семей. Вот у Зои Федоровны учится всякая шваль, в ее школе большие проблемы, ученики вечно дерутся, там и ухо, и нос, и ногу оторвать могут. Если нарушитель дисциплины, которого вы заметили, не имел глаза или руки, то он точно подопечный Зойки. У наших деток полный комплект частей тела.

Вероятно, Полина Владимировна была прекрасным руководителем, но где она подбирала сотрудников? Ангелину Максимовну нельзя назвать светочем разума, Нину Максимовну тоже, у Карелии Алексеевны восхитительный лексикон. Преподавательница химии Мария Геннадьевна милая, приветливая, но очень странно одевается, на ней всегда обтягивающие, явно меньшего, чем надо, размера платья. И ни о чем, кроме как о реставрации мебели, Шитова говорить не может. Один раз, проходя мимо ее кабинета, я услышала, как «химичка» говорила ученикам: «Сегодня у нас новая тема. Серная кислота. Знаете, это волшебная жидкость, если добавить малую ее толику в придуманный мной мебельный лак, то, покрыв им, предположим, комод, получим эффект так называемого белого пятна. Состав удивительного лака я нашла в старых книгах, долго сидела в архивах...» Далее училка начисто забыла про серную кислоту и начала объяснять детям, как она реанимирует скамеечку для ног, которая принадлежала Оливеру Кромвелю¹.

– Нашла этот уникум на блошином рынке у Белорусского вокзала, – щебетала Шитова, – наткнулась случайно, бродила в поисках ручек для бюро, которое тогда являлось объектом моего интереса. И вдруг! Продавец показал подножницу, шепнул, что это раритет! Дети, понимаете? Это собственность самого Кромвеля! Великого человека!

– Да, – нестройно отозвались гимназисты, для которых фамилия англичанина являлась пустым звуком.

¹ Оливер Кромвель (1599–1658 гг.) – английский государственный деятель и полководец, руководитель Английской революции в 1653–1658 гг., лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии.

Вот скажи Шитова, что табуретка принадлежала Шреку или Симпсонам, ученики бы пришли в восторг. Мария не поняла, что ребят охватила тоска, она продолжала рассказывать, в каких фолиантах отыскивала сведения о разных лаках, как улучшала их, называла химические вещества, которые использовала.

Дверь в мужской туалет, возле которого стояли мы с Ангелиной, приоткрылась, оттуда высунулась чья-то голова.

– Она ушла? Да? Ой! Простите. Ангелина Максимовна. Здравсти, Виола Людвигувна.

– Обозов! – всплеснула руками Жорина. – Почему ты не на уроке? А ну вылезай из сортира!

Мальчик вышел в холл и опустил голову.

– Зовись мой папа Людовиком, то отчество бы звучало как Людовиковна, Людвигувна вариант от Людвигуб. Слышал хоть про одного мужчину с таким именем? – улыбнулась я.

Обозов покачал головой.

– Не-а!

– Можешь обращаться ко мне Виола Леонидовна, – предложила я.

– Ну уж нет, – рассердилась Ангелина, – ученик обязан выучить имя-отчество преподавателя. Запиши на бумажке: Виола Лампадовна и повторяй, пока в мозгах занозой не застрянет.

– Хорошо, – покорно согласился Обозов.

– Что ты делал в туалете? – продолжила допрос Ангелина.

– Живот заболел, – заныл Эдик, – скрутило жуть как! Еле добежал.

– Иди на занятия, – приказала учительница труда.

– Постой, – задержала я его, – выглянув из двери, ты спросил: «Ушла?» Что ты имел в виду и к кому обращался?

– Любому понятно, что Эдуард не один решил урок прогулять, – быстро ответила вместо ребенка Жорина. – Он не впервые с занятий сбегает. Знаю, как дело обстояло. Обозов с дружкой удрали, когда учитель начал домашнее задание проверять, хотели где-то заныкаться, есть в гимназии укромные местечки, куда редко заглядывают педагоги. Но они увидели, как я спускаюсь по лестнице в холл. Обозов догадался шмыгнуть в туалет, а приятель куда-то убежал.

Я перестала сверлить взглядом Эдика и уставилась на Ангелину Максимовну, а та заливалась соловьем.

– Обозову надоело прятаться, вот он и решил выяснить, ушла я или еще тут расхаживаю. Так? Можешь не отвечать, отлично знаю, что не ошибаюсь, немедленно ступай на занятия.

– погоди, – опять остановила я готового удрать Эдика, – сначала скажи, ты заходил в кабинет Полины Владимировны?

Жорина снова не дала ребенку открыть рот.

– Конечно, нет. Что ему там делать? Когда я шла по лестнице, видела, как он через холл бежал. Поэтому и подошла к туалету, сразу смекнула, опять Обозов безобразничает. Он у нас главный затейник. Эдуард! В класс!

Ребенок со скоростью спринтера-африканца бросился в левый коридор.

Я рассердилась.

– Он очень похож на того, кто разбойничал в кабинете директора. А вы не дали ему слова сказать.

Ангелина Максимовна уперла руки в боки, боднула лбом воздух и взвизгнула:

– Это что? В чем вы меня обвиняете? Конкретно изложите свои странные претензии! На что намекаете? Говорите откровенно! Высказывайте недовольство в лицо, а не за глаза!

– Вы не позволили Обозову ответить на мои вопросы, – отчеканила я.

В голосе Жориной появились визгливые нотки.

– Нет, только посмотрите на нее! Нашлась самая умная! Откуда ты взялась на нашу голову? С кем в министерстве образования спишь, что тебя сюда в середине учебного года

взяли? Каким местом карьеру прокладываешь? Наезжаешь на лучшего преподавателя гимназии! Поосторожней с нападками! А то, несмотря на покровителя, очутишься на помойке, где таким самое место. Подумала, что у твоего хахаля жена есть? На чужом несчастье счастья не построишь! Тьфу!

Плюнув мне под ноги, Ангелина бросилась наутек, наверное, она понеслась в кабинет труда.

Я крикнула ей вслед:

– А вы только и умеете, что приказывать детям лепить из пластилина козлов в очках.

Не успели слова вылететь изо рта, как мне стало стыдно. Вилка! Ты с ума сошла? Зачем опустилась до уровня Жориной?

Очень недовольная собой я вернулась в кабинет Хатуновой.

Глава 10

Скоросшиватели, которые свалил Эдик, по-прежнему валялись на полу. Я безо всяких проблем открыла тайник в письменном столе и достала оттуда необычный предмет. Черная папка была сделана из какого-то материала, напоминавшего тонкую сталь, или это один из суперсовременных пластиков, которые сейчас применяются где угодно. В центре верхней крышки торчал небольшой диск, наподобие тех, что в годы моего детства я видела на телефонных аппаратах. Чтобы просмотреть содержимое папки, надо набрать код. Но я о нем понятия не имею, а подбирать шифр из десяти цифр – это задача для компьютера, мне с ним и за двадцать лет не справиться. Конечно, если отдать находку Платонову, его люди живо ее вскроют каким-нибудь инструментом, но я должна принести ее в целостности и сохранности Вере Борисовне, иначе она не расскажет то, что знает о Полине Владимировне. Понятно теперь, почему Соева не боялась, что я засуну нос в папку и увижу спрятанные там документы.

Выходить из кабинета Хатуновой, держа в руках свой трофей, не хотелось. Я огляделась по сторонам – у каждой женщины в запасе непременно есть парочка полиэтиленовых пакетов. А вот и он, мирно лежит на подоконнике. Спрятав находку, я сфотографировала разбросанные на паркете скоросшиватели, а потом присела около них на корточки. Сразу стало понятно, что это личные дела учеников третьего «А». Я начала просматривать скоросшиватели, из одного с надписью «Эдуард Обозов» выпал тот самый желтый конверт. Я открыла его, вытащила лист бумаги, изучила текст и снова спрятала документ. Так вот в чем дело! В личном деле Эдика хранится информация об усыновлении. Мать родила его от своего первого мужа, с которым разошлась, когда младенец еще не научился сидеть. Эдика усыновил второй ее супруг, богатый бизнесмен Константин Эдуардович Обозов. А вот и личная карточка гимназиста. «Обозов Эдуард, дата рождения шестое сентября, полных девять лет. Отец – Константин Эдуардович Обозов, владелец «Мосросдобычи», мать Обозова Светлана Валерьевна, актриса. Успеваемость плохая, поведение среднее, контакта с одноклассниками не установил, рекомендовано посещение школьного психолога, необходима беседа с родителями». Второй листок назывался «Отчет психолога гимназии о беседе с учеником третьего «А» Эдуардом Обозовым. «Мальчик трудно идет на контакт, плохо сосредоточен, постоянно глупо шутит. Его успеваемость в последнее время стала еще хуже. Классный руководитель Ангелина Максимовна им недовольна. Обозов не имеет авторитета у одноклассников, в детском социуме исполняет роль клоуна, над которым все смеются. Может нарочно упасть в столовой и опрокинуть поднос с едой, чтобы повеселить окружающих. Все предметы одинаково не любит. Из педагогов контакт с ним сумела установить только Жорина. Ангелина Максимовна в прямом смысле слова прикормила мальчика, она его угощает домашними пирожками, тортами, бутербродами и т.д. Жорина связала Эдуарду перчатки, он говорит, что это был лучший подарок на его день рождения. На вопрос: «Неужели родители никак не отметили твоё девятилетие?» последовал ответ: «Они организовали праздник, пригласили много гостей, приехали клоуны, в саду накрыли столы, все ели и танцевали. В восемь вечера начался концерт, играла моя любимая группа «Модерн Айс», папа ее из Америки пригласил. Сначала музыканты пели, потом ужинали с нами. Их фронтмен Стюарт посадил меня на плечи, и мы так фотографировались, а еще он подарил мне один из своих браслетов, снял с руки и сказал: «Держи, Эдди! Круто быть сыном богатых родителей, тебе не надо, как мне в детстве, в бакалейной лавке работать, чтобы матери помочь. И ты не маленький негр, которого за цвет кожи белые одноклассники в унитазе топили. Но мы, черномазые, из нищеты поднявшиеся, стойкие, нас ни словом, ни кирпичом не убить. А вас, богатых детей, из седла ерунда вышибает. Мой двенадцатилетний сын пытался отравиться, он думал, что я его не люблю, потому что никогда с ним на бейсбол не хожу, барбекю не жарю. Чувак,

я бабки заколачиваю, чтобы семья в бакалейной лавке полы не мыла. И не хочу, чтобы сына в толчке макали. Люби своего отца, он ради тебя на все готов. Я это точно знаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.